

ЖЕМАЙТИС О.Ф.

OLGERDZHEMAITIS@YANDEX.RU

ВИЛЬНЮС, 1966 – 68 гг

Для всех без исключения офицеров-командиров первые два года лейтенантской службы всегда наиболее трудны. И в то же время определяющие всю их дальнейшую жизнь, ибо являют собой резкий переход от учебной скамьи к ответственности за состояние дел в подразделении и за дисциплину, вверенных им по службе солдат и сержантов. Приходится терпеть трудности армейского быта, жилищной неустроенности после относительного училищно-казарменного комфорта с его вполне достаточным обеспечением всем необходимым для нормального существования и привычным ритмом жизни.

При этом для многих выпускников военных училищ в советские годы открывалась простая сермяжная истина, что к более спокойной гражданской жизни обратного пути уже нет. К ней можно вернуться лишь после минимальной для младших офицеров 20-летней, а для старших 25-летней службы. Ибо Советское военное законодательство не предусматривало статьи об увольнении из армии по собственному желанию, как самого офицера, так и по желанию, зачастую даже очень большому желанию, всех без исключения его командиров и начальников. В результате молодой человек обрекал себя на долгие годы неудобствам в быту и трудностям в службе. В основном, вдали от родного дома или мало-мальски уютных островков городской цивилизации на бескрайних просторах нашей необъятной страны с её различными климатическими зонами, пёстрым смешением языков народов её населяющих, культур, уровней жизни, национальных различий и многочисленных вероисповеданий.

В этом они во многом уступали своим гражданским сверстникам. Которые так же, как и они, но под воздействием уже другой романтики стахановских трудовых будней: то ли на целине, то ли на Крайнем Севере, или в песках Средней Азии,- всё же обладали правом повернуть своё время становления вспять. И вернуться к более спокойной и комфортной жизни в родных или других на выбор городах и сёлах. Без серьёзных при этом бюрократических проволочек и наказаний, по одному лишь только заявлению об увольнении по собственному желанию. Офицеры такой привилегии не имели.

Поступив в 1963 году в Коломенское ордена Ленина Краснознамённое артиллерийское училище. (КОЛКАУ, в то время среднее с 3-хгодовалным сроком обучения). Выпускаясь из своих стен офицеров-командиров по профилю оперативно-тактических ракет, я сразу понял, что по своему складу характера, темпераменту и московской избалованности мне будет очень трудно не только в учёбе, но и в будущей офицерской службе. Но пути назад уже не было. Как говорили политработники и командиры, я

добровольно написал заявление о поступлении в военное училище, сдал экзамены; прошёл по конкурсу, при котором кому-то было отказано стать офицером, может быть, даже будущему Суворову или Кутузову; принял Присягу на верность Родине; государство на обучение в средней школе и с первых дней моего пребывания в училище, потратило на меня немалые средства, постоянно увеличивающиеся в их расходной части. То есть, кто не с армией, тот против неё, а, как известно, с государством, главной составной частью которого являются его вооружённые силы, шутки плохи, и они всегда заканчивались не в пользу желающих выйти из её рядов. Счётчик включён и теперь, как в воровской малине, за вчерашний вход - рубль, за выход придётся платить не два и не три, а значительно больше. То ли в виде потерянного здоровья в результате долголетней службы или на почве изнурительной конфронтации с начальством, доказывая свои конституционные права в выборе профессии. То ли своей деградацией как личности с укоренившимися в результате этой борьбы вредными привычками. Или просто бесцельно потерянными годами в этой борьбе, когда вся школьная программа уже окончательно забыта для поступления в гражданский ВУЗ и получения специальности, чтобы начать жизнь с нуля уже в солидном возрасте.

Но нет худа без добра, ведь крепостное право – это гарантированные рабочие места и полная уверенность в завтрашнем дне. А это тоже имеет немаловажное значение, которое и помогло мне в дальнейшем получить свой прожиточный минимум, позволяющий с семьёй, как и всем гражданам СССР и России, худо-бедно сводить концы с концами, несмотря на то, что в течение всей 27-летней службы являлся по сути бесправным мамлюком, приводя поучительный пример из истории. Когда дочь королевы Виктории спросила у своей матери, как ей вести себя в первую брачную ночь, королева ответила: «Закрой глаза и думай об Англии». То же самое приходилось делать и всем согласившимся добровольно стать офицерами – постоянно думать о совершенствовании защиты в интересах СССР путём повышения своего боевого мастерства, нравится тебе это или нет, получая при этом ежемесячно скромную, но считавшуюся по сравнению с гражданскими БОльшую по размерам «пайку хлеба» на продолжение своего жалкого существования, забыв при этом напрочь о своих правах, гарантированных Конституцией СССР.

Поэтому попав сразу же со школьной скамьи в такую несвободу я не очень-то старался в учёбе и прилежании, рассуждая про себя - закончу училище, а там видно будет. К тому же живы были ещё друзья моего отца, занимавшие в то время довольно высокие посты в армии. Которые, могли мне помочь, если и не с переводом после окончания училища в самую Москву, где я родился, вырос и находился мой отчий дом, то куда-нибудь поближе к столице. Хотя с первых дней обучения уже знал, что самая ближайшая к Москве ракетная бригада училищного профиля находилась в городе Шуе Ивановской области, в которой служить мечтали многие выпускники.

Отца в то время не было в живых уже 7 лет, и он за свои 39 лет армейского стажа, прошедший Первую мировую, гражданскую и Великую Отечественную войны, не советовал мне связывать свою жизнь с армией. Но я не послушался его совета и получил сполна за своё легкомыслие и желание продолжить семейные традиции. Предоставив всего себя на долгие 27 лет службы армии с её «командирской учёбой» вдали от родных мест, 16 из которых пришлось на Туркестанский военный округ. Тем не менее о всех своих армейских годах с высоты уже своего солидного возраста вспоминаю с благодарностью, как ниспосланных мне Всевышним испытаний, явившихся для меня своего рода катарсисом, университетом жизни, обогативших меня более духовно, чем материально. А многолетняя служба позволила остаток дней провести в приятных и неприятных воспоминаниях, полностью согласившись при этом со словами неизвестного поэта: «Ну, кто сказал – не бередите раны? Чтоб лучше помнить, пусть они болят». И вспоминать об этом в тепле и семейном уюте, с юмором, на своей родине, в любимой Москве, рядом с детства знакомыми мне улицами и площадями. Несмотря даже на то, что после развала Советского Союза и Советской Армии старшие офицеры в своей основной массе, к коим отношусь и я, служившие или в запасе и отставке, уже не относятся к категории обеспеченного класса, как раньше. А, скорее, к категории бедных слоёв населения, за которыми в нашей стране по своему социальному положению следует последний класс - очень бедных людей.

Но мне ли ругать судьбу, если именно в Средней Азии, в Ашхабаде, я наконец-то в 3-й раз удачно женился на кубанской казачке Вере. С которой прожил уже в любви и согласии 43 года и которая родила мне в 1978 году прекрасного сына Яниса. От первого брака у Веры есть дочь Наташа. От неё у нас уже есть внуки: Женя и Стёпа. Есть уже и правнуки: Вика и Паша, А от сына Яниса внучка Алиса и внук Алёша. Хоть все мы теперь и живём в разных местах Москвы, но иногда собираемся, вспоминаем прошлую жизнь в Ашхабаде и Самарканде. А что может быть для человека моего склада характера и возраста приятнее и важнее воспоминаний о прошлом! Когда к тому же возвращаешься назад во времена службы в армии, держащей в страхе под прицелами своих ракет с ядерной начинкой полмира и где в подтверждение слов многих перебежчиков царили холуйство, моральное разложение и страх перед высоким начальством. И в этой связи мне нравятся слова поэта Игоря Северянина:

Всё незначительное нужно,
 Чтобы значительному быть.
 Былое так головокружно!
 Былое не могу забыть

К тому же суровая проза армейской жизни, вдали от родных мест на командных должностях, закалила мой характер, что также является

немаловажным фактором. А это дорогого стоит.

В результате всех этих испытаний, семейной поддержке и благодаря моему терпению служебная струя вынесла меня немного наверх, одарив в конечном итоге подполковничьими погонами, так сильно обесцененными в наше смутное время. Поэтому и дорожу своим офицерским званием, полученным не на сборах офицеров запаса и не в кабинетной тиши какой-нибудь столичной полувоенной конторы, а реально в войсках на строевых должностях, в том числе и под немилосердно жарким солнцем Туркестана. Несмотря даже на то, что мне так и не удалось осуществить свою давнюю мечту хотя бы о каком-нибудь высшем образовании.

Но до такого финала со счастливым хэппи энд мне пришлось довольно долго ждать случая после тяжёлых и порой даже жестоких лет офицерского становления. Ведь только на должности командира взвода, «ваньки взводного», мне пришлось прослужить долгих 6 лет, что для служебного роста любого офицера такой большой срок был и очевидно остался губителен, в то время, когда 20-летние юнцы командуют уже дивизионами и полками.

Здесь я предостерегаю тех курсантов (сегодня они называются, кажется, студентами) и молодых офицеров от необдуманных поступков с желанием любой ценой уволиться из армии, для чего, насколько мне известно, сегодня достаточно написать заявление либо в училище, то бишь в институте, или сразу же по окончании оно. Или после заявленной контрактной службы в войсках. Не спешите с таким радикализмом под влиянием какого-нибудь служебного или личностного момента. Армия в силу своих возможностей умеет ценить преданность ей, терпение и настойчивость в достижении поставленной цели. Даже в том случае, когда служба становится совсем невыносимой и мало что обещающей в своей перспективе. Главное в этом деле не отдаваться целиком на волю волн всевозможных искушений и соблазнов.

Училище я закончил в 1966 году и далеко не с отличием, с аттестацией, насыщенными такими характеристиками, как «излишне спокоен», «не усидчив», «рассеян» и т.д. А посему училищное начальство, посчитав, что я вместе с такими же недоучками в количестве 25 человек не подхожу для службы в элитных ракетных войсках, направило всех нас для прохождения службы в Туркестанский военный округ, но уже в ствольную наземную артиллерию. А для переподготовки на новую специальность всю нашу маргинальную компанию определило на 4-хмесячные Центральные артиллерийские офицерские курсы в Ленинград, располагавшиеся в то время по адресу: улица Воинова, 41. Корпуса которых помнят фамилии многих известных аристократов 18 – 19 веков, в том числе и барона Дантеса Геккерна, служившего в казармах располагавшегося по этому адресу Кавалергардского полка и сыгравшего роковую роль в судьбе великого русского поэта Пушкина.

По окончании курсов друзья отца помогли мне в первый и

последний раз в моей жизни, вместо 5-й мотострелковой дивизии Кушкинского гарнизона Туркестанского военного округа, получить назначение в 31-ю мотострелковую дивизию Прибалтийского военного округа. И не куда-нибудь, а в столицу Литвы город Вильнюс, на родину моего отца, литовца по национальности. Правда, всё же это не Москва и даже не милое моему сердцу Подмосковье, но всё же перспектива служить в этом городе манила своей загадочной неизвестностью.

Забегая вперед, скажу, что мне не удалось избежать своей судьбы, predetermined в отношении меня, очевидно, свыше, и большую часть всей своей службы мне пришлось-таки прослужить, как я уже писал, в Туркестане. Огорчало только то, что в штаб Прибалтийского военного округа в город Ригу и из неё вместе с предписанием к новому месту службы меня сопровождали отрицательные характеристики уже из ЦАОКа. Командование которых к ранее перечисленным эпитетам в мой адрес из училища добавило ещё: «ленив», «безинициативен», «освоил программу обучения недостаточно полно», «склонен к употреблению спиртных напитков, за что был наказан 5-ю сутками ареста содержания на гарнизонной гауптвахте». Что действительно имело место и явилось следствием моего разочарования в выборе военной профессии. Так мне пришлось посидеть в знаменитой на всю страну «губе» на улице Садовой, в которой в своё время содержались под арестом поэт Михаил Юрьевич Лермонтов, знаменитый лётчик-испытатель Валерий Чкалов. И другие не менее известные герои нашей недавней истории. А из камеры в зарешёченное окно наблюдать салют 19 ноября 1966 года в честь Дня артиллерии.

Имелись ещё кое-какие неприятные записи в мой адрес. Которые должны были, на взгляд моих ленинградских воспитателей, в дополнение к основным послужить своего рода предупреждением моим будущим начальникам, что сей субъект «нуждается в постоянном контроле и далеко не соответствует моральному облику строителя коммунизма». Утешает только то, что по опыту войны в Афганистане, где мне тоже пришлось побывать в командировке, все эти аттестации на любого военнослужащего теряли свой смысл. Ибо жизнь показала, что офицеры и прапорщики, разгильдяи и нарушители воинской дисциплины, в условиях боевых действий часто становятся смелыми и решительными командирами, а тихони и карьеристы с положительными аттестациями трусами и паникёрами. В не меньшей степени это относится к солдатам и сержантам

Таким образом, не видя ещё живых солдат в своём подчинении, я уже зарекомендовал себя с самой отрицательной стороны, что не могло не беспокоить меня с точки зрения дальнейшего служебного роста. Став лейтенантом, я понял, что если курсантом ещё можно было через неуспеваемость и поведение, а затем после отчисления из училища через трёхгодичную срочную службу уйти на гражданку, то теперь шансы на такое освобождение практически были сведены к нулю. На поверку оказалось также, что я был далеко не одинок во всей нашей компании по

переподготовке на ЦАОКе. То ли сказывались наши военные годы рождения - от 1941-го по 1945-й. Многие из моих сокурсников, если и родились не от немцев, как многие другие их сверстники на оккупированной немцами территории, то, что греха таить, в большинстве своём у них детство проходило далеко не в сытости и благополучии, а значит в итоге с неустойчивой психикой и отнюдь не богатырским здоровьем, с отставанием в развитии и психическими отклонениями.

У многих к тому же проявлялось явное нежелание обучаться по принуждению по профилю ствольной наземной артиллерии, о которой мы в самом начале своего обучения на ЦАОКе имели смутное представление. Ведь в конечном итоге все мы поступали и затем целых три года обучались в ракетном училище, а теперь нас заставляют переучиваться на какие-то со времён царя Гороха стволы и «самовары», то бишь миномёты. Многие мои товарищи, с коими мне, конечно же, приходилось трапезничать, стали откровенно роптать и мечтать о гражданке, алкоголем создавая искусственно в своём воображении иллюзии о ней, в основе которых лежали детские и юношеские воспоминания. Наверное, поэтому старшие по возрасту офицеры, обучавшиеся вместе с нами на этих курсах, прозвали нас всех скопом хунвэйбинами (именами молодчиков, громивших в то время в Китае райкомы и обкомы) за нашу «казацкую вольницу», что выражалось в нашей чрезмерной шумливости днём и ночью и легкомысленном отношении к учёбе и цаокскому начальству. Которое не могло ничего с нами поделать и лишь пожурило лейтенанта Долгого за его попытку изнасилования беременной женщины с нанесением ей телесных повреждений, ничего не предприняв для его отдания под суд военного трибунала, ограничившись только судом офицерской чести с выговором от начальника ЦАОКа. То же самое наказание было применено к лейтенанту Завтуру, уличённому в краже денег у спящего товарища. А лейтенанта Мирного вообще никак не наказали за его беспробудные пьянки и редкие визиты на занятия.

Поэтому, поняв, что обратного пути на милую сердцу гражданку уже нет, лейтенантские погоны сразу стали мне давить на плечи. Ибо я понял их цену и что нельзя уже было вернуться к своим московским родственникам и друзьям по школе и дому. Которые в отличие от меня предпочли гражданские профессии военным, что было уже довольно характерно для послевоенной Москвы 60-х годов, жители которой в отличие от провинции были не так уже воинственны, как ещё 10 – 15 лет назад.

Об этом можно было судить по невысокому проценту москвичей, закончивших со мной училище, - всего не более 5%. То есть, в каждом учебном взводе по одному. Со мной же в 24-ом взводе обучался и выпустился только ещё один москвич – Петухов Боря. Ещё один, Силенок Слава, где-то через два года обучения сошёл с дистанции по поведению и неуспеваемости с направлением на три года службы в армию.

Так я оказался неисправимым романтиком. Примерно, таким же, как и великий русский учёный Михайло Ломоносов, который, будучи студентом

Марбургского университета в Германии, то ли по пьянке, то ли из каких-то романтических побуждений записался однажды в Прусскую гвардию. А когда на следующее утро понял свою ошибку, то основательно подготовился и совершил побег в Россию, хотя за дезертирство в случае его поимки ему грозил пожизненный срок заключения.

Ломоносову было легко бежать из маленькой Пруссии 18 века. В моём же положении куда не побежишь, лишь через долгие сотни и тысячи километров можно было достичь рубежей нашей великой и необъятной с её метко и без предупреждения стреляющими в нарушителей границы пограничниками в засадах и на вышках, зубастыми и злыми овчарками, контрольно-следовой полосой и колючкой под высоким напряжением.

В оправдание же моего решения связать свою жизнь с армией может, наверное, служить тот факт, что после рождения моего племянника Коли в 1958 году у меня стали плохо складываться дома отношения с его матерью, то бишь с моей сводной по матери сестрой Эльвиной. Что стало порождать конфликтные ситуации не в пользу жизни с ней под одной крышей. Что в конце концов и привело меня к твёрдому решению начать самостоятельную жизнь, в глубине души надеясь всё же на службу в Москве после училища по примеру двух моих братьев. При этом я даже не желал учиться более 3-х лет, попробовав свои силы на конкурсных экзаменах в каком-нибудь высшем военном учебном заведении с 4-х или 5-летним сроком обучения с целью получения высшего гражданского образования, ибо полагал, что в этом случае у меня будет меньше шансов на поступление. Не хотелось рисковать. Хотелось скорейшей независимости из-за сложившихся внезапно домашних обстоятельств. Получилось же всё наоборот. Из одной зависимости я оказался в другой, более жёсткой, хваткой и долгосрочной.

И тут такое назначение – в Вильнюс. Открывалась довольно радужная, в первую очередь познавательная, перспектива. Будущее рисовалось в ярких красках. К тому же чертовски хотелось поближе познакомиться со своей исторической родиной, родиной моего отца, детские и юношеские годы которого прошли в деревне Апидимы Тельшайского района Ковенской губернии, в самой литовской Каунасской области Литвы.

С приездом в Вильнюс, с первых же моих самостоятельных шагов в службе и в холостяцкой жизни и начались мои неприятности, наложившие свой определённый отпечаток на всю мою дальнейшую жизнь. К самостоятельной офицерской службе, как оказалось, я совершенно не был готов, в результате чего за два года так и не приобрёл твёрдой уверенности в своём служебном росте, заметной ориентации в профессии, ибо возненавидел всю службу и мечтал только об одном – увольнении на гражданку. Хотя и приобрёл, как я был убеждён, определённый опыт в работе с подчинёнными мне солдатами и сержантами.

Получив в самом конце 1966 года предписание явиться в штаб Прибалтийского военного округа в Риге с последующим зачислением в штат

артиллерийского полка 31 мотострелковой дивизии в городе Вильнюсе. Побродив несколько часов по улицам Риги и отметив в одиночестве свою первую и, как потом оказалось, последнюю встречу с прекрасной столицей Латвии в каком-то ресторане под звон бокалов и звуки оркестра, я на следующий день утром сел в поезд и вскоре прибыл в Вильнюс. В котором уже бывал не один раз. Впервые в 1958 году, останавливаясь с мамой, тётёй Женей Калабиной, её мужем дядей Игорем и их дочерью Таней проездом в Палангу на отдых у друзей отца, в семье генерал-майора Жибуркуса, давнишнего соратника отца ещё в бытность моего родителя руководителем восстания в Шяуляе в конце 1918 – начале 1919 годов. (См. журнал «Вопросы истории» № 4 за 2003 год). В то время Жибуркусы жили в просторной многокомнатной квартире в добротном доме на площади Ленина, в самом центре Вильнюса. Тогда же мне и моим родным у Жибуркусов довелось познакомиться с дочерью известного литовского революционера-интернационалиста, партийного и государственного деятеля Советского Союза и Литвы Мицкявичюс-Капсукаса, Леной. Яркой красивой брюнеткой лет 30, с которой все мы, приехавшие только что москвичи, под неусыпным вниманием хозяйки дома, жены генерала Жибуркуса, тоже 30-летней брюнетки, очаровательной Цилии Самойловны, в непринуждённой беседе очень хорошо провели время. Приезжал я в Вильнюс и в последующие доучилищные годы.

Здесь в самый раз уместно будет сказать, кто ходатайствовал о моём назначении в Вильнюс, перечеркнув моё направление в ТуркВО. Это в то время Первый секретарь ЦК компартии Литвы А.Ю. Снечкус, очень хорошо относившийся ко мне за всё время моего с ним знакомства, которого с моим отцом связывала революционная и подпольная работа в оккупированной в 1918-19 годах немцами Литве.

В 1940 году отец командовал Литовской народной армией. А в 1942 – 43 годах сформировал и командовал 16-й Литовской стрелковой дивизией на Брянском фронте. Так что Снечкусу в самые трудные для Литвы годы приходилось часто и много контактировать с моим отцом. Хотя особой дружбы между ними не было.

В послевоенное время, навещая Москву по делам службы, Антанас Юозович часто навещал нашу семью, и мне хорошо запомнились застолья 50-х годов в нашей квартире дома № 18 в переулке Хользунова, на которых можно было увидеть героя Сталинграда генерала Родимцева А.И. и других известных в то время боевых генералов: Кривенко М.С., Грецова М.Д., Собенникова П.П., Осликовского Н.С., Поплавского С.Г., Тюленева И.В., Хлебникова Н.М., Ревякина В.А., Мозгунова А.В., Козырева С.М., Владимирского А.В., Плотникова П.А., Готовцева А.И. и других.

К делу о моём переводе подключился и Военком Литвы генерал-майор Петронис, тоже соратник отца, но уже только по Литовской дивизии, с которым я также неоднократно встречался на гражданке.

Выйдя с поезда на перрон Вильнюса, я сразу же на вокзале

познакомился со своим сослуживцем, заместителем командира артиллерийского дивизиона майором Станчикасом. Увидев патрульную повязку у него на руке, я к нему обратился с просьбой объяснить, как добраться до части. Разговорились, и вскоре я оказался в управлении кадров штаба дивизии на улице Вяркю, где офицеры сначала очень удивились моему назначению в артиллерийский полк, ибо свободных офицерских должностей в нём не было. Начальник управления кадров тут же связался со штабом округа и выяснил, что я предназначаюсь на должность командира 2-го огневого взвода, которую вскоре должен освободить лейтенант Шилов, убывающий на днях учиться в Новосибирск на курсы по подготовке офицеров особых отделов.

Оформив необходимые в этом случае документы, меня вскоре представили заместителю командира дивизии полковнику Румянцеву и начальнику политотдела полковнику Шахраю.

Командира дивизии генерал-майора Дзюдиева в те дни в Вильнюсе не было. Забегая вперёд, скажу только, что через какое-то время он сам меня вызвал к себе на беседу, и я за столом увидел человека средних лет, как сейчас принято говорить, мужчину кавказской национальности. В беседе со мной он был предельно краток: «Молодец, что решил посвятить свою жизнь армии и очень хорошо, что получил назначение в нашу овеянную славой на полях сражений Великой Отечественной войны дивизию. Я знал твоего отца (откуда он мог знать, что я сын генерала Жемайтиса?). Это был очень толковый генерал и очень хороший товарищ. Служи, набирайся опыта». И в самом конце беседы: «Будет трудно, приходи - поможем».

Позже я узнал, что Дзюдиев – человек Командующего ПрибВО генерала армии Хетагурова, с которым они были одной национальности, осетины. Должность начальника артиллерии дивизии в то время была вакантной, но недолго. Вскоре её занял полковник Быченко.

Затем дошла очередь до представления и знакомства непосредственно с командованием артполка. Так я познакомился с фронтовиком командиром полка полковником Родиным, его замом по строю подполковником Сундуковым и двумя замполитами полка: фронтовиком подполковником Манохиным (по основному штату) и подполковником Вестерманом по второму штату. Вскоре я узнал, что все офицеры кадра полка и дивизии делились на два штата, как и вся техника, хранившаяся на складах «НЗ».

На следующий день я познакомился с другими офицерами полка. С парторгом полка майором Гончаровым, получившим вскоре по две звезды на погоны за участие в Великой Отечественной войне. Был представлен начальнику штаба полка, тоже фронтовику подполковнику Либерману и его заместителю майору Веберу.

Сама дивизия представляла кадрированное (сокращённое) соединение. В каждом полку имелись по две роты. Танковый полк дивизии полуразвёрнутого состава дислоцировался в 100 километрах на северо-восток

от Вильнюса, в Пабраде, где находился также дивизионный учебный центр. Артиллерийский полк, в котором мне предстояло служить, состоял из 1-й батареи и батареи обслуживания. По личному составу всего в полку находилось в строю где-то 70 офицеров и сверхсрочников и примерно столько же солдат и сержантов. В 6 - 7 раз меньше по личному составу, чем в развёрнутой части.

Солдаты через день заступали в разного рода наряды, хотя согласно Уставу гарнизонной и караульной службы делать это разрешалось не реже чем через двое суток. Но такова была организационная специфика службы в нашем соединении в соответствии со штатом и количеством охраняемых объектов. Солдаты недосыпали, но не роптали и все как один стремились в редко выпадавшие выходные заслужить увольнение в город, к которому готовились основательно, тщательно приводя в порядок парадную форму одежды.

К месту своей будущей службы я прибыл в самый канун встречи 1967 года, и, едва устроившись в гостинице, представившись начальству, и познакомившись со всеми своими многочисленными соседями по койке, мои новые друзья танкисты взяли меня с собой на встречу Нового года. Где мы встречали его, и что тогда пили, я смутно представлял себе, пробудившись на следующий день. В памяти отложились только отдельные эпизоды застолья с нарядной ёлкой и дедом Морозом. А подойдя к зеркалу, я не сразу узнал себя – от волос на голове до самых интимных мест на мне живого места не было. Всё тело переливалось синими и красными тонами и ныло от боли. А вместе с ним тут же заболела и душа при виде ещё и своего гражданского выходного костюма, залитого кровью и рвотой, к тому же порванного во многих местах.

Не лучшим образом выглядело и пальто. Всё постельное бельё тоже представляло жалкое зрелище. Картину пробуждения дополняло полное отсутствие денег в карманах, взятых мной с собой в размере почти полных получек за декабрь и январь месяцы (курсантская привычка – не оставлять ничего ценного в казарме - украдут). И вся эта сцена сопровождалась ворчанием в мой адрес соседей – только что пробудившихся офицеров, что, мол, никакого житья нет от этих молодых алкалоидов, место которым в начале их службы в туалете, а не на койке офицерского общежития рядом с майорами и капитанами.

Слава Богу, хоть документы оказались на месте.

Что случилось вчера, и как я добрался до гостиницы в совершенно незнакомом мне городе мои новые друзья – танкисты, пробудившись чуть-чуть от сна, так и не смогли мне вразумительно объяснить. Сказали только, что меня били два мужика, а за что и почему они не знают. Чтоб успокоить меня, один из них лёжа в полудреме, зевая, пообещал мне через час завести танк и наказать этих «грёбанных лабусов», (Так офицеры презрительно называли всех литовцев по их приветствию – «лабос»), посмевших поднять руку на советского офицера – защитника родины. К чему я уже отнёсся с улыбкой на своём распухом, как от укусов роя пчёл, лице.

Придя, наконец, немного в себя, освежившись холодной водой из-под крана умывальника, я вскоре увидел всю унылость обстановки, в которой мне предстояло жить. Вся гостиница представляла собой двухэтажный особняк – типичную той поры офицерскую ночлежку, в комнатах которой ютились по 6 -7 человек в основном молодых офицеров и сверхсрочников, с общей на этаж кухней и туалетом. Вместо душа с горячей водой, по полу стелился резиновый шланг, подсоединённый к крану умывальника. Имелась подставка для чистки обуви, кран с раковиной для мытья ног. Но вот где можно было помыться горячей водой, толком мне так никто объяснить не смог. В городской бане довольно проблематично из-за больших очередей. В солдатской же бане, на территории военного городка, вход всем офицерам почему-то был запрещён командованием.

Все углы комнаты, где я поселился, и шифоньеры, были завалены чемоданами, тюками и сумкам, планшетам, коробками с разного рода офицерским имуществом и военной формой для ношения её в строю, вне строя, для полевых занятий летом, зимой, с зимним и летним бельём. С положенными ей также многочисленными ремнями, сапогами, ботинками, шапками, фуражками, парадной формой со всеми её атрибутами, нижним бельём и т.д. А также тревожными чемоданами с разного рода барахлом вплоть до сухого пайка на несколько дней, полевыми сумками, фонариками, планшетам и всем другим имуществом, необходимым офицеру для полевых занятий, повседневной службы, для парадных мероприятий в строю и вне строя, в зимнее и летнее время года и т.д. Попробуй потерять хоть один предмет обмундирования или имущества – тут же получишь взыскание, ибо строевые смотры проводились в полках не реже одного раза в месяц. Да так, что никто из офицеров заранее не мог предугадать, в какой форме одежды и с каким имуществом нужно будет стоять в строю на плацу. Держать же хотя бы часть всех этих предметов обмундирования и экипировки где-нибудь в казарме категорически запрещалось командованием. А отдельной складской комнаты в гостинице не было.

Верх нескольких грубо сколоченных шифоньеров украшали горы какого-то хлама, покрытого толстым слоем пыли. Из кухни неслись густые запахи приготовляемой кем-то еды. Бегали тараканы и иногда мыши. А летом, как я потом убедился, приходилось отдавать своё молодое и бедовое тело на съедение клопам.

Имелась одна на всю гостиницу бытовая комната с гладильной доской и поломанной стиральной машиной. В холле первого этажа на расшатанной подставке стоял телевизор с расплывчатым изображением на экране. Перед которым на расставленных стульях можно было увидеть девчат-сверхсрочниц, служивших в дивизии связистками, медсёстрами, делопроизводителями, или ещё кем-то.

На территории военного городка имелась ещё одна гостиница, так называемая «Пятая казарма», в которой ютились офицерские семьи, годами ждущие своей очереди на получение жилья. Условия проживания в ней с

малолетними детьми и другими членами семьи были ещё хуже, чем в гостинице. После обретения Литвой независимости в 1991 году я как-то прочёл в газете, что вильнюсские власти в этой казарме устроили приют для бомжей. Что лишний раз только свидетельствовало правоту апологетов советского строя в стране, в том числе в оценках представителей славного офицерского корпуса. «Которым присуще чувство коллективизма, бескорыстия и неприхотливости в вопросах быта» и, между строк: «которые наподобие воинов Золотой Орды готовы в любой момент вскочить в седло для очередного завоевательного похода». А то, что жилища после них были годны разве что для проживания отбросов общества, никого не волновало, – так ведь это временно, пусть сначала заслужат квартиру в уже более комфортном панельном бараке, с горячей водой и тёплым сортиром. Главное – коллективная сплочённость и офицерская дружба на бытовом уровне. И всё это преподносилось в то время как «высочайшее достижение социализма, образец советского патриотизма и самого передового в мире образа жизни». А в подтверждение этих слов можно привести сцену из популярного в 50-х годах кинофильма «Высота», где бригадир строителей Константин Токмаков (артист Геннадий Карнович-Валуа) показывает стройку жене одного отрицательного персонажа Маше (артистка Марина Стриженова). И когда с высоты строящегося объекта они увидели свои малюсенькие дома, где жили, то пришли к глубокомысленному заключению, что «дом – это не только 4 стены с потолком и стенами, где мы спим и едим», имея видимо в виду в первую очередь работу и коллектив, в котором трудились.

Под что вильнюсские власти приспособили особняк-гостиницу, в которой я прожил целых 2 года, я не знаю. Известно только, что построен он был при Жибуркусе, командовавшем в начале 50-х годов 16-й Литовской стрелковой дивизией, которая до 1955 года, до её расформирования как национального соединения, квартировалась в этом военном городке.

Второй этаж гостиницы предназначался для VIP-персон на уровне временно проживавших, до получения квартир, недавно прибывших командиров и начальников на уровне заместителей командира соединения и им равных, а также разного рода проверяющих из вышестоящих штабов для оценки дел в гарнизоне. У них условия уже были получше, с отдельными номерами и душевыми кабинами, с титанами для подогрева воды. В 1968 году возле этой гостиницы началось строительство бункера для командного пункта дивизии. Об улучшении же быта проживавших в гостинице офицеров так никто и не подумал.

Оставлю пока повествование о моём похмельном пробуждении, и расскажу, с чем мне пришлось вскоре столкнуться на службе. Сам военный городок располагался на окраине Вильнюса, где встречались деревянные двухэтажные дома, в некоторых из которых жили офицерские семьи, снимавшие в них угол за 10 – 15 рублей в месяц с человека. При этом все удобства находились во дворе. Но и для многих холостяков такая жизнь была предпочтительней жизни в общежитиях ибо делало человека более

свободным и не подверженным постоянному воровству денег и предметов экипировки товарищами по проживанию в коммуналке.

Как вскоре я смог убедиться, Вильнюс являлся в ту пору настоящим интернациональным городом. Жившая в нём большая еврейская диаспора называла его даже «одним из центров еврейской культуры». Многие высокопоставленные в Литве чиновники из числа знакомых отца были женаты на еврейках, что вызывало у меня только недоумение, ибо я под влиянием негласной советской пропаганды, считал всех евреев людьми второго сорта, всеми возможными и невозможными хитроумными способами пытавшимися обогатиться за счёт русской доверчивости и их бескорыстия. И всеми способами стремящимися во что бы то ни стало во власть. В Литве же такое к ним нейтральное отношение, объяснялось, очевидно, европейской прагматичностью литовцев, не считавших евреев серьёзными конкурентами в работе и на путях к власти со времён первого обретения независимости их страной в 1918 году. Наоборот, многие утверждали, что литовские евреи внесли заметный вклад в развитие экономики в их стране и в создании цивилизованного рынка.

Наряду с литовцами и евреями в Вильнюсе жило много поляков, русских, украинцев и других представителей народов Советского Союза. И тем не менее город, как и вся Литва в целом, в отличие от Латвии и Эстонии, избежал большого наплыва лимитчиков или, как их потом стали называть, «мигрантов из России», благодаря дальновидной политике, проводимой Снечкусом, отказавшегося с самого присоединения Литвы к СССР в 1940 году от развития в республике советских, преимущественно с ручным трудом предприятий-гигантов, требовавших большого количества дешёвой рабочей силы из окраин СССР.

И всё же многонациональность этого бывшего литовско - польского города, обусловленная сравнительно недавним его присоединением к Литве, была налицо, и создавала определённый колорит и уют в городе. Все люди жили одной семьёй и против каждой вывески на литовском языке, будь то на стенах магазинов, кинотеатров, ресторанов, парикмахерских или столовых имелся обязательный перевод на русский, благодаря чему можно было за короткое время постигнуть азы литовского, а ещё через какое-то время и понимать речь.

Литовский, родственный ему латышский и не существующий с 1945 года восточно-прусский язык относится к Балтийской языковой группе, поэтому он уникален в своём роде. А вся история Литвы самым тесным образом связана с историей России и Польши. И только отчасти имеет непосредственное отношение к Великому Княжеству Литовскому, этой «Латинской» или «Белой Руси», раскинувшей свои границы в средние века «от моря до моря», в которое вместе с другими городами и сёлами входил одно время и такой российский город как Смоленск и, по мнению некоторых историков, даже Москва. В доказательство своей версии они приводят тот факт, что после Куликовской битвы, в 1382 году оборону Москвы от войск

Тохтамыша возглавил литовский князь Остей.

В истории Литвы очень много белых пятен. И историки до сих пор спорят в отношении самого слова «Литва». Какие земли и в какое время феодальной раздробленности всей страны относились к этому понятию. До 1940 года чисто литовской территорией считалась Ковенская губерния. (Современный центр - город Каунас). А сам литовский этнос исторически сформировался путём объединения таких основных балтийских племён и народов, как аукштайты (юго-запад) и жемайты (западные районы Литвы). Причём представители последних, в отличие от аукштайтов, дольше всех на Балтике противились христианизации, до сих пор отличаются завидным упрямством, злопамятством, что в то же время нисколько не мешает им в любой обстановке сохранять спокойствие, стойко переносить жизненные трудности и в любой ситуации сохранять чувство собственного достоинства. В Литве про всех жемайтисов ходят анекдоты, примерно, так же, как в России про чукчей. Все эти племена вышли из Восточной Пруссии, из её живописнейших сосново-янтарных берегов Балтийского моря, природа которых сформировала в них патриотизм, уравновешенный характер, гостеприимство и трудолюбие. И наверное наивность в придачу.

Вот что пишется в газете «Московский комсомолец» за 4 декабря 2018 года.

«...Впервые по разные стороны геополитических баррикад мы оказались в 14-ом веке. После того, как литовский князь Ольгерд разбил татаро-монгольское войско в битве при Синих Водах (1362 год), большая часть территории современной Украины вошла в состав Литвы. И на этом расширение Литвы не закончилось. В период своего расцвета, в середине 15-го века, Великое княжество Литовское было самым крупным европейским государством, простиравшимся от Балтийского до Чёрного моря, от Западного Буга до Оки. Площадь региональной сверхдержавы достигала почти миллиона квадратных километров.

При этом титульная нация была в этом жадном до окрестных земель государстве этническим меньшинством. Доля этнических литовцев в общей массе населения составляла на пике территориальной экспансии 10 – 15 процентов. Доминирующим этносом были восточные славяне, предки будущих украинцев и белорусов. Себя они тогда называли русскими или русинами, а подданных московских государей - московитами или москалями. Те, в свою очередь, величали их литвинами. Завоеватели довольно быстро стали растворяться в этом славянском море. Дальше всех из правителей Литвы в своём обрусении зашёл, пожалуй, всё тот же Ольгерд, женившийся на русской княжне и принявший православие.

«По отношению к различным национальностям, можно сказать, все симпатии и внимание Ольгерда сосредоточивались на русской народности; Ольгерд, по его взглядам, привычкам и семейным связям принадлежал русской народности и служил в Литве её представителем», - считал историк

Владимир Антонович. По мнению Сергея Платонова, «Литва была вполне русским государством, с русской культурой, с господством русского князя и православия».

До полной русификации, правда, дело не дошло. Процесс был остановлен преемником Ольгерда, его сыном Ягайло: Будучи крещённым при рождении в православной вере, придя к власти, он перешёл в католичество. После этого в католичество обратилась элита, а затем и простолюдины этнической Литвы, бывшей до того преимущественно языческой. С сего момента культурно-исторические пути восточных славян и балтов начали отчётливо расходиться. Но и после этого Литва не перестала «пахнуть Русью».

Достаточно сказать, что вплоть до конца 17-го века языком государственного делопроизводства здесь было «руска мова», называемая нынче западнорусским, старобелорусским или староукраинским языком; литовский обрёл письменность лишь в 16-ом веке. Развёрнутое официальное название государства на государственном языке: «Великое княжество Литовское, Руское, Жомойтское и иных».

В общем, братья славяне чувствовали себя в Литве отнюдь не чужими. Говоря современным политологическим, проект создания «альтернативной Руси» оказался вполне успешным. Что, собственно, и предопределило ожесточённое соперничество с Москвой. «Политика как московских, так и литовских князей была одинакова: те и другие стремились стягивать более слабые русские области вокруг сильного политического центра, - отмечал историк Платонов, - Между Москвой и Литвой в 14-ом веке находилась целая полоса княжеств, которые служили предметом споров между этими двумя державами».

Начиная с конца 14-го века и до заключения Люблинской унии (1569 год), объединившей Великое княжество Литовское и Королевство Польское в одно государство, Речь Посполитую, Вильнюс и Москва воевали не менее восьми раз. И это лишь крупные кампании, без учёта неисчислимых пограничных конфликтов. Вначале военно-политическое счастье было на стороне Литвы. «Литовская экспансия в русских землях приобрела огромный размах, наряду с обороной на западе она стала основой государственной политики, - пишет литовский историк Эдвардас Гудавичюс. – Несчастье Руси стало источником политического процветания Литвы». Но затем роли поменялись.

По версии Николая Карамзина, переломным моментом стала битва на реке Ведрошь (14 июля 1500 года), окончившаяся разгромом литовского войска. Кстати, командовал им чистокровный русин – князь Константин Иванович Острожский, занимавший на тот момент высокий пост гетмана великого литовского, руководителя вооружённых сил княжества. Родовым гнездом князей Острожских был сохранившийся по сию пору Острожский замок (ныне это город Острог Ровенской области Украины). «Никто не служил Литве и Польше усерднее Острожского, брата россиян в церкви, но страшного врага их в поле», - указывает Карамзин в своей «Истории государства Российского».

Острожский был талантливым и удачливым полководцем. Тем значимей была одержанная москвитями виктория. «Государь, бояре, народ изъявили радость необыкновенную, - повествует историк. – Никогда ещё россияне не одерживали такой победы над Литвою, ужасною для них почти не менее моголов в течение ста пятидесяти лет... Ликующие москвитяне дивились Иоанновой и собственной их славе! Князя Острожского вместе с другими знатными пленниками привезли в Москву, окованного цепями».

СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ

По итогам этой кампании Москва присоединила к себе примерно треть литовско-русских земель. После этого, правда, были неоднократные попытки реванша, порой успешные. Но общая тенденция осталась неизменной: слабеющая Литва отступала под напором усиливающегося геополитического конкурента. Собственно, это-то и заставило Великое княжество объединиться с Польшей. Вильнюс был не в состоянии противостоять в одиночку «натиску на Запад», перед Литвой замаячила перспектива полного разгрома и завоевания Москвой. И расчёт оказался верным: Речи Посполитой удалось не только остановить этот каток, но и развернуть его на 180 градусов: с завершающей фазы Ливонской войны, она же первая русско-польская (1577 – 1582), началась долгая череда поражений Московского государства. Чему, впрочем, немало способствовал тяжелейший государственно-политический кризис, постигший Россию на рубеже 16 – 17 веков и вошедший в историю под названием Смута.

Речь Посполитую уже никак нельзя было назвать русским государством – ни в культурном, ни в этническом отношении. Восточные славяне не составляли в нём большинства. Но по-прежнему оставались крупнейшей этнической группой, что отражалось, естественно, и на национальной структуре польско-литовского войска. Москва старалась использовать этот фактор. Летом 1616 года накануне очередного контрнаступления – речь идёт о второй большой московско-польской войне, продолжавшейся с перерывом с 1609 по 1619 год, - воевода Иван Хованский получил из Кремля, сообщает историк Сергей Соловьёв, следующее распоряжение: «Писать от себя и словом приказывать в литовские полки к русским людям, чтобы они помня Бога и православную веру, невинной христианской крови не проливая и в муку вечную душ своих не предали, от польских и литовских людей отстали...».

Кроме того, приказывалось набрать «лазутчиков добрых, кому можно верить и приведши ко кресту» и отправить их через линию фронта с заданием «раздавать русским людям грамоты от духовентва». Текст пространной листовки начинался словами: «Знаем мы, господа и братья, что вы волею и неволею служите ищущим нашей погибели, не рассуждая, где вы стояли и куда ниспали!» А заканчивалось призывом обратиться, пока не поздно, «к истинной христианской вере» и «к государю царю Михаилу Фёдоровичу»,

который «всеми благами земными одарит вас, как сыновей и братьев примет». Как видим, уже четыре века назад пропаганда в государстве российском была весьма искусной и поставленной на широкую ногу. Но судя по тому, что летописцы ничего не сообщают о результатах этой деятельности массовым явлением переход «литвинов» на сторону Москвы всё-таки не стал.

Ещё меньше такие призывы действовали на запорожских казаков – ядро формирующейся украинской нации. Запорожцы занимали особое место в польско-литовской армии. Они составляли отдельные формирования, подчинявшиеся в первую очередь своему главнокомандующему – гетману Войска Запорожского. «Мысль, что он православный, была для казака смутным воспоминанием детства или отвлечённой идеей, ни к чему не обязывавшей и ни к чему не пригодной в казачьей жизни, - писал Василий Ключевский. – Во время войн они обращались с русскими и их храмами несколько не лучше, чем с татарами, и хуже, чем татары... В Речи Посполитой едва ли был другой класс, стоявший на более низком уровне нравственного и гражданского развития».

Современники однако очень высоко оценивали боевые качества запорожцев. «Они чрезвычайно крепкого телосложения, легко переносят холод и зной, голод и жажду, неутомимы на войне, мужественны, смелы и часто столь дерзки, что не дорожат своей жизнью», - делился наблюдениями Гийом Левассер де Боплан в своём «Описании Украины». Значение имело не только качество, но и количество: в войнах, которая вела Речь Посполитая с Москвой, запорожцы сыграли очень заметную роль. Показательный пример – Московский поход королевича Владислава (1617 – 1618). В целом армия вторжения насчитывала, по оценкам историков, около 30 тысяч человек. При этом две трети её, 20 тысяч, составляли казаки, предводимые гетманом Петром Сагайдачным. Тем самым в честь которого назван флагманский фрегат современных украинских ВМС.

Гетман Сагайдачный шёл на Москву своим, отдельным от Владислава маршрутом, и горе было тем, кто попадался ему на пути. «Пришёл он, полковник пан Соадачной... под Ливны (ныне Орловская область РФ. – А.К.) и Ливны приступом взял, и многую кровь христианскую пролил, много православных крестьян и з женами и з детьми посёк неповинно... храмы божия осквернил и разорил дома все христьянские пограбил... и многих жен и детей во плен поймал». Та же участь вполне могла постичь и Москву, к которой Сагайдачный и королевич Владислав подошли в конце сентября 1618 года. И отчасти даже постигла.

Начав 1 октября штурм города, польско-литовско-запорожское войско совсем немного не дошло до Кремля – враг был в буквальном смысле у ворот: Арбатских, Тверских, Никитских, Петровских, Сретенских... Но продвинуться дальше стен Белого города не смог. После безуспешных для них уличных боёв интервенты согласились начать переговоры о мире.

Столь же деятельное участие приняли запорожские казаки и в следующей русско-польской войне, вошедшей в историю как Смоленская (1632-1634). Для отвлечения русских сил, которые осадили принадлежавший тогда Речи Посполитой Смоленск, запорожца было «позволено вторгнуться в московские владения и пустошить их», отмечает Соловьёв...»

АЛЕКСАНДР ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Теперь понятно, почему немцы, оккупировавшие Прибалтику в 1941 году латышей считали более этнически чистыми по крови, чем литовцев, кровь которых на протяжении столетий более, чем у латышей, смешивалась со славянской.

Я вскоре полюбил бродить по центру города среди его готической формы домов и уличной суеты, когда казалось, что вот-вот из-за поворота покажется, грохоча деревянными колёсами по брусчатке, средневековая карета с фонарями по бокам и форейторами на запятках и красивой дамой в салоне.

Имелся даже свой планетарий. После огромного, московского, который я очень любил посещать, он мне показался тогда карликом и я вообще сомневался, что в нём могут разместиться даже 10 человек. Центр Вильнюса – типично средневековый город, настоящий музей под открытым небом, по которому можно было бродить и бродить, погружаясь в особый колорит европейского средневековья.

С таких, одухотворённых историей и средневековой архитектурой прогулок, в дальнейшем неизменно приходилось возвращаться в свою ночлежку. Часто под хмельком, стараясь при этом не попадаться на глаза начальству, а также коменданту общежития старшине сверхсрочной службы Петкявичюсу и его помощнику солдату, в обязанности которых входили не только ежедневная уборка помещений от мусора и других проявлений пьяных, не окрепших ещё в достаточной степени к алкоголю молодых офицерских желудков, но и информирование дивизионного начальства о всём, что происходит в гостинице. А постольку, поскольку в ней всегда что-нибудь происходило на ниве алкогольного употребления. С битьем стёкол в оконных рамах, с разного рода разборками с мордобитием и т.д. То после таких доносов следовали вызовы на ковёр к начальству нарушителей правил советского общежития для «воспитательной беседы», часто с сопутствующими им матом и криком со стороны этих начальников.

При таких «беседах» одни лейтенанты каялись, просили прощения, называли фамилии своих товарищей по застолью. Другие наоборот вступали в словесную перепалку и иногда на часто повторяющийся вопрос: «Почему пьянствуешь, лейтенант, не работаешь над собой и со своим взводом?», - следовал классический ответ, что «мне государство платит деньги не за работу, а за звание и за должность. И если меня не увольняют из армии, значит я ей нужен таким, какой есть. И по праву занимаю в ней своё место». Можно было также услышать, что «я и так служу родине, а вы хотите

заставить меня ещё и работать». Все эти ответы, а к ним можно ещё присовокупить и другие словоблудия и каламбуры молодых офицеров, разочаровавшихся в службе, давно уже переселились в область анекдотов, хотя и не так уж далеки от истины. От таких горе-лейтенантов избавлялись при первом же удобном случае. Чаще всего отправкой за границу в группы войск, если офицер-нарушитель дисциплины не еврей или другой какой советский иностранец. Реже повышением по службе, но уже в другую часть. А в виде исключения отправкой на сдачу экзаменов в академию, чтобы хотя бы месяц или два не видеть на службе его постоянно пьяную рожу. Тягу к спиртному за всё время своей долгой службы имел и я, руководствуясь классической для того времени формулой для всех разочаровавшихся в военной службе «Много пить – вредно, а мало – бессмысленно». За что часто вызывался на ковёр к разного рода командирам и замполитам, в том числе и за употребление спиртного в служебное время. Чему способствовала вся внутренняя политика СССР после сталинских жёстких чисток и расстрелов, изменившаяся почти сразу же после смерти вождя в 1953 года, когда упор в стране в армии и на производстве после расстрелов и ГУЛАГов стал делаться уже вместо репрессий на воспитание нарушителей армейской и производственной дисциплины непосредственно на самой службе и производстве. Для этого достаточно вспомнить широко известный фильм «Неподдающиеся» 1959 года, где коллектив на протяжении всего фильма успешно борется с тремя лодырями, пьяницами и прогульщиками, а также «Максим Перепелица», «Солдат Иван Бровкин» со схожими сценариями и др. Закончилась эта идиллия фильмом середины 70-х годов «Афоня», где главного героя после безуспешного для коллектива ЖЭКа участия в перевоспитании совсем уже вышедшего из-под контроля сантехника пришлось разжаловать из высококлассного специалиста в простого рабочего.

Поэтому в то время я вместе с героями фильма и с другими молодыми офицерами систематически разбирался на совещаниях, вызывался на замполитовский ковёр, и вся моя карточка взысканий за несколько лет начальной офицерской карьеры пестрела выговорами и предупреждениями о неполном служебном соответствии. И тем не менее в дальнейшем, приобретя кое-какой опыт, дослужился до подполковника и считаю, что эту вековую русскую застольную традицию не превратил в свой образ жизни, без запоев и уголовщины, не прибегая никогда к помощи наркологов и гипнотизёров, вовремя останавливаясь после очередной дисциплинарной встряски, связанной с очередной какой-нибудь пьянкой. К чему располагали вся армейская несвобода, суровость армейской службы и быта, служебная занятость без нормированного рабочего дня, часто без выходных и праздников, вдали от родной Москвы за всё время своей офицерщины. И не я один был таким нерадивым в службе. Алкогольной зависимостью страдали, наверное, процентов 90 всего офицерского корпуса и замполитам работы в войсках всегда хватало, что позволяло мне «не очень высываться»

оставаться в тени на фоне других нарушителей дисциплины. Поэтому считаю, что именно умеренное увлечение спиртным способствовало даже моему продвижению по карьерной лестнице, ибо окружали меня такие же «свои в доску» сослуживцы, которые помогли мне стать тем, кем я стал к концу своей службы, добившись определённого веса в обществе и приобретя кое-какой житейский опыт. Главным из которого считаю, что с первыми шагами по жизни стал отличать настоящую мужскую дружбу от мнимой, узнав цену клятвенным обещаниям, в том числе и вернуть денежный долг, многократно пострадав от воровских мерзопакостных проделок своих друзей и простых сослуживцев, а также познав божесвятное женское участие в своей жизни.

В общем, служил и жил в соответствии с хорошо сказанными словами Булата Окуджавы: «Жил, как умел, а безгрешных не знает природа». К тому же в условиях сложившейся несвободы после окончания военного училища, когда в первые же годы моей службы в Вильнюсе самыми первыми вопросами гарнизонного начальства ко всем приезжающим офицерам из Управления кадров Советской Армии были: когда начнут увольнять не желающих служить в армии офицеров. От которых не то, что проку, а огромный вред в деле воспитания личного состава и всей боевой и политической подготовки войск?

А от молодых офицеров, прибывших только что из военных училищ, часто можно было услышать: «Как уволиться из армии?».

Эти вопросы без ответов стали звучать всё чаще и настойчивее на протяжении всей моей 27-летней без двух месяцев календарной службы. Наверное, поэтому Министром обороны было принято решение о сокращении сроков прохождения службы младшими и старшими офицерами в одном звании на один год. Так вместо трёх лет, необходимых для присвоения звания старшего лейтенанта, молодые офицеры лейтенантские погоны стали носить два года и т.д. по иерархической лестнице до полковника включительно. А уже после моего увольнения в запас были сокращены на 5 лет и сроки обязательной старшеофицерской службы. Перед самым развалом армии, в конце 80-х годов несколько военных округов обрели категорию отдалённых, и офицерам служба стала засчитываться – год за полтора с незначительным увеличением денежного содержания и нормированным сроком службы в этих отдалённых округах в 5 лет. Но это всё были полумеры, к которым можно ещё отнести почти ежегодные увеличения рублей на 20-30 денежного довольствия (при этом дефицит и соответственно цены на все товары первой необходимости росли в стране опережающими темпами). Обязательное присвоение званий на вилочных должностях, введение единовременного денежного содержания, так называемой «13-й зарплаты» в конце года. Введение института прапорщиков для помощи офицерам в их работе и т.д. Всё это делалось с одной целью – заинтересовать и удержать молодёжь в армии. При этом считалось, что квартирный вопрос в советское время более-менее решён во всех гарнизонах

армии в рамках провинциальной неприхотливости подавляющего большинства офицеров. А то, что эта неприхотливость в сознании представителей славного советского офицерства со страшной скоростью менялось в сторону цивилизованного Запада из-за бурного развития техники, транспорта, а значит и коммуникабельности между народами всех стран. А также благодаря наглядным примерам более обеспеченной и сытой жизни в завоёванных в годы ВОВ странах Восточной Европы, в которых они служили. Всё это начальство старалось не замечать. И положение дел не менялось до тех пор, пока в 1991 году произошли в стране коренные перемены, и Министром обороны стал маршал Шапошников, разрешивший увольнять офицеров по их собственному желанию.

Скорее всего, такое решение военного руководства было вызвано не его благими намерениями либерализовать армию, а необходимостью сокращения Вооружённых Сил, ставших к тому времени непосильной обузой для государства. Заодно, конечно, и с целью освободиться от неудобных военнотружеников.

Точно так же, как Хрущёв в начале 60-х годов прошлого века окончательно освободил всех колхозников от крепостной зависимости, разрешив им всем иметь паспорта, в связи «с укрупнением сельскохозяйственных предприятий до уровня объединённых совхозов и ликвидацией колхозов». Что в конечном итоге привело к оттоку сельского населения из обжитых сельских мест в города, развалу сельского хозяйства и к дефициту продовольствия по всей стране.

Можно привести пример и в отношении зэков, многим из которых после кончины Сталина в 1953 году была предоставлена свобода. А для оставшихся на зоне - поблажки в режиме содержания. Иначе и быть не могло, ибо во многих лагерях стали происходить стихийные выступления узников, выливавшиеся часто в вооружённые восстания или открытое неповиновение. И оставшиеся в заключении осуждённые перестали приносить какой бы то ни было доход государству. Весь ГУЛАГ, дававший при Сталине одну треть всей продукции в СССР, строивший стройки века, в том числе: Беломорско-Балтийский канал, канал Москва-Волга, Волго-Донской канал, создававший в Сибири гигантские плотины для будущих ГЭС, базу для создания атомных и затем водородных бомб, предприятия химической и оборонной промышленности, - в одночасье оказался убыточным и неэффективным.

Время 50-х – 60-х годов можно охарактеризовать как начало всенародного непослушания и саботажа «развёрнутого строительства коммунизма» всеми слоями населения во всех производственных сферах деятельности, сельского хозяйства и армейской службы в ответ на мизерную зарплату и жалкое существование, что привело в ряде случаев к репрессиям. Пример – расстрел мирной демонстрации рабочих и служащих в Новочеркасске в 1962 году и в это же самое время кровопролитные стычки демонстрантов, выражающих свой протест с представителями силовых структур в других городах Союза. Заставить по примеру социалистического Китая весь советский народ за

кусочек хлеба создавать «базу коммунизма» верхи уже не могли, а низы не хотели жить по-скотски.

С армией же такие вынужденные эксперименты на основе недавнего в прошлом впечатляющего опыта над колхозниками и другими социальными группами населения власти под предлогом необходимости укрепления обороноспособности страны на основе жёсткого военного законодательства, видимо, боялись проводить аж до ельцинского правления. И вынужденные после 1991 «реформы» в армии (иначе и быть не могло) оказались переспелыми. Армия после узаконенного разрешения офицерам увольняться по собственному желанию и поблажек всему её личному составу, в том числе для солдат переход в 1967 году от 3-годичной службы по призыву к 2-годичной, а затем и к 1-годичной. Узаконенные обязательные отпуска для солдат, отмена арестов с содержанием на гарнизонных гауптвахтах; разрешённые свидания с родными, для чего в спешном порядке при КПП воинских частей стали создаваться комнаты для свиданий; основание и активизация деятельности комитетов Солдатских матерей, вмешивавшихся в армейские дела и выносившие при этом «сор из избы» вместе с представителями прессы, освещавших тут же весь выявленный негатив в армии и т.д. Всё это отрицательно сказалось на боеготовности армии, и она стала разваливаться ещё быстрее и терять свою боеготовность, что наглядно проявилось в Первой Чеченской кампании 1994 – 1996 гг.

Время оказалось неподвластным коммунистам. Не помогли ни «железный занавес», ни электрификация колючки, ни казарменное общежитие с его не ремонтируемым по 100 лет жильём, ни подотчётные до поры до времени властям СМИ. Нужно было подстраиваться под ропот общественности. И проводить в обстановке, когда в стране уже «низы не хотят, а верхи не могут», кое-какие реформы, вылившиеся в конечном итоге в полнейшую противоположность установившимся с 1917 года порядкам в стране и в армии с её марксистско-ленинской идеологической подоплёкой.

Советский солдат, «вооружённый самой современной военной техникой и самой передовой в мире коммунистической идеологией», на поверку оказался далеко не самым идейным и «бескорыстным солдатом в мире», что стало проявляться в повальном воровстве всего, что плохо лежало. А «золотой фонд страны», её офицерский корпус вместе со всеми своими армейскими проблемами с развалом СССР вдруг стал разбегаться на глазах у всего мира по своим национальным квартирам.

И если разнородная по населению Российская Федерация до сих пор существует в границах РСФСР 20 века, то это, на мой взгляд, лишь потому, что у всех россиян коллективный разум до сих пор превалирует над индивидуальным мышлением как прямое следствие интеллектуальной лени и отупления, которые не позволяют оценить красоту сложных решений. Ведь в любом демократическом обществе все возникающие проблемы имеют решения при участии каждого члена этого общества, часто сложного осмысления и большой ответственности за их принятие, когда во главе угла

стоит человек со всеми его запросами, добродетелями и недостатками. Когда весь народ принимает участие в управлении страной, выбирая всех глав администрации, решая свои вопросы через независимые объединения, прессу и суды. И где чиновники и руководители страны работают лишь как представители неких фирм по оказанию услуг населению. До этого нам ещё очень далеко, ибо россияне до сих пор выбирают диктатора, с которым гораздо легче просто бездумно выполнять приказы с оглядкой наверх, чем самому загружать себя проблемами.

Встречались в офицерской среде, как и в училище, отчаянные. Даже такие молодые офицеры, которые вообще редко появлялись на службе. Их можно было только увидеть на территории части в день получки или, как принято было говорить, в «день пехоты». Ибо не имея своего по роду войск праздника в году, пехотинцы отмечали его 13-го числа каждый месяц, т.е. в день выдачи денежного содержания. От них уже трудно было избавиться направлением в академию или в другие части с повышением. Во-первых, их проблематично было поймать, чтобы вручить предписание. А если даже оно и будет вручено, и случится, что он за его получение даже распишется, будучи в невменяемом состоянии запоя, то всё равно никуда не поедет. Потому что, кроме отсутствия желания встать с постели, ему уже и не в чем ехать – вся военная форма давно пропита.

Командование соединения и части никак не могло избавиться от таких протестантов. Справедливости ради, надо сказать, что в Вильнюсе их было не так уж и много. Гораздо меньше, чем на периферии – всё-таки Вильнюс являлся далеко не самым последним городом в Союзе, чтобы впадать в отчаяние и не попытаться хорошей службой закрепиться в нём. А все документы с решениями судов офицерской чести с ходатайством об увольнении нерадивых офицеров вышестоящими инстанциями оставались без внимания. Все они, как правило, возвращались назад с ничего не значащими резолюциями типа «Воспитывать на месте», «Ходатайство отменяю» и т.д., что должно было служить предостережением тем командирам и политработникам, подписавшим эту филькину грамоту, что они не в полной мере справляются со своей основной задачей по воспитанию своих подчинённых. И это в то время, «когда весь советский народ, все, как один, успешно решает вопросы строительства коммунизма, попутно исправляя членов общества от пережитков проклятого царского прошлого, в том числе и от пьянства. К тому же собирается уже в ближайшее время показать всему миру не только последнего попа у нас в стране, но и последнего пьяницу и прогульщика. А значит доверить им, таким горе - начальникам, большой по численности с повышением по службе коллектив вряд ли целесообразно. Тем более, когда у любого офицера-воспитателя на вооружении находится самая передовая в мире советская военная педагогика и психология. С её проверенными Великой Отечественной войной приёмами воспитательной и идеологической работы и безотказными методами убеждения и принуждения ко всем членам общества».

Хотя со времён Великой Отечественной начальство на самом верху ещё не знало или не хотело знать, что у каждого непосредственного офицера - воспитателя кнут уже давно истрепался, а простыми пряниками уже мало кого соблазнишь. И чем принуждать и убеждать нарушителей дисциплины, кроме как кулаком по морде, никто не знал.

Правда, уже где-то в середине 80-х годов, когда я служил в Термезе Туркестанского военного округа, мой командир полка придумал всё-таки наказание для таких нарушителей дисциплины, всем своим поведением и невыходами на службу, пытавшихся навсегда расстаться с армией, – своим волевым решением приказал начальнику финансового довольствия не выдавать им денежное содержание. Так эти нерадивые офицеры тут же устроились работать в городских организациях. А не выданные за какое-то время деньги все до единой копейки были в конце концов возвращены. Начальство «воспитывало» таких офицеров, как могло, привлекая для этой цели парторганизацию, офицерский коллектив. Зачитывая на совещаниях под громкий смех офицеров письма молодых лейтенантов, часто смахивавших на письма чеховского Ваньки Жукова, но уже не «на деревню дедушке», а в адрес от Командующего округом до Министра обороны и руководителей страны включительно с просьбами уволить их из армии. В этом уже случае на подобную жалобу ставилась другая, обычная для такого случая резолюция: «Разъяснить товарищу имяреку Положение о прохождении службы лицами офицерского состава и порядок подачи письменных жалоб и заявлений», чтобы у данного имярека впредь не возникало желания в обход своего командования обращаться на самый верх, беспокоя высокопоставленных чиновников своими глупыми просьбами.

Получался замкнутый круг, в котором кто-то, собрав всю свою волю в кулак, брался за службу. А кто-то начинал катиться по наклонной, махнув на всё рукой и экономя деньги, так нужные для застолий, периодически перебираясь жить на несколько суток на казённые харчи и постель в гарнизонную гауптвахту.

Таких офицеров мог уволить только Главком Сухопутных войск. А до него в то время простому смертному было, как до луны.

Как тут не вспомнить слова поэта Веневитинова Д.В. (1805 – 1827) про российскую действительность:

Грязь, вонь, клопы и тараканы
И надо всем господский кнут
И это русские болваны
Святым Отечеством зовут.

С той лишь разницей, что слова «Святое Отечество» в годы моей службы были заменены на «самое передовое в мире государство рабочих и крестьян в истории человечества». Чуть позже на «самое демократическое в мире общенародное государство» и, наконец, «самое прогрессивное в мире

государство развитого социализма».

Как-то в узбекском Термезе я разговорился с одним молодым лейтенантом, который всем своим поведением и манкированием службы добивался увольнения из армии, и он мне поведал, что до армии работал таксистом в Киеве и часто получал за один день столько, сколько сегодня он получает за месяц. «И чёрт меня дёрнул поступать в военное училище! Да ещё после срочной службы в армии! Тем более, когда у меня в Киеве пропадает отличная со всеми удобствами отдельная квартира!».

Давно уже стал хрестоматийным один курьёзный пример из нашего недавнего прошлого. Когда младший лейтенант – двухгодичник Ильин в январе 1969 года, переодевшись в милицейскую форму своего родственника, беспрепятственно проник в Московский Кремль и с целью покушения на Генерального Секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева открыл по ошибке стрельбу из двух пистолетов на поражение по въезжавшей через Боровицкие ворота правительственной «чайке», в которой, как вскоре оказалось, ехали космонавты Г.Т. Береговой, А.А. Леонов, А.Н. Николаев и В.В. Николаева-Терешкова, а не глава государства со своими приближёнными. Израсходовав 8 патронов, Ильин в результате ранил мотоциклиста из эскорта сопровождения и убил водителя «чайки».

Несмотря на то, что в этом деле о покушении явно присутствовала политическая подоплёка события после этого теракта стали развиваться в пользу Ильина, который в конечном итоге военно-врачебной комиссией был признан невменяемым и отправлен в закрытый психоневрологический диспансер на бессрочное лечение. Ибо считалось, что нормальный человек не может не видеть преимуществ социализма над капитализмом, поэтому политработники всех мастей и использовали достижения медицины, когда воспитательная работа оказывалась бессильной.

В конце 80-х годов на волне перестройки и гласности об Ильине вспомнили, в средствах массовой информации его даже пытались причислить к лику страстотерпцев или диссидентов, пострадавших за правду. Руководством страны после 20-летнего медицинского заточения Ильина было принято решение о его освобождении. А при оформлении документов вдруг оказалось, что этот террорист-одиночка не только юридически сохранил своё офицерское звание, но, набрав необходимый стаж, может претендовать на довольно солидную офицерскую пенсию, ибо никто его со дня покушения не увольнял из армии.

Но в не правовом государстве всё возможно. И уже тогдашнему Министру обороны маршалу Язову своим волевым решением пришлось задним числом оформлять увольнение Ильина. В противном случае такая награда была бы вопиющей несправедливостью хотя бы в отношении всех пострадавших от этого теракта.

Весь этот пример наглядно свидетельствует о том, как тяжело было молодому офицеру в 60-х – 80-х годах уволиться из армии. Даже после такого громкого на весь мир покушения на главу СССР! И отчасти вызвано

это было тем обстоятельством, как я уже писал, что на должностях командиров взводов и рот находились молодые офицеры военных годов рождения, когда во всей нашей стране была самая низкая рождаемость. А значит, и потребность в молодёжи была, как никогда, высокой при постоянно увеличивающейся, как на дрожжах, численности армии в правление Брежнева. При котором создавались всё новые и новые группировки войск за рубежом и округа внутри страны, а старые увеличивались в численности. Рождались ставки направлений с их штабными и хозяйственными структурами. Укреплялась четырёхтысячекилометровая граница с Китаем. В Монголию направлялись новые соединения и части. Забайкальский военный округ стал разбухать от новых дивизий и частей для вполне возможного похода на Китай после превентивной обработки этой территории с более чем миллиардным населением ядерным оружием за строптивость китайцев и выход их страны из социалистического содружества.

Обеспечивались почти все национальные движения в третьих странах военными советниками и обслуживающим персоналом. Гражданская оборона и ДОСААФ укомплектовывалась всё большим и большим количеством кадровых офицеров. Увеличивались штаты военпредов на оборонных заводах, в военкоматах. Росли штаты штабов и управлений, атташатов при посольствах за рубежом. Увеличивалось количество соединений и частей кадра внутри страны, а значит росла и численность офицерского состава, вплоть до приписки в эти соединения 60-летних старцев из народного хозяйства для тыловых охранных функций на случай войны.

Все космонавты, врачи и многие другие гражданские специалисты с высшим образованием имели офицерские звания. На московских улицах и площадях в будни можно было увидеть такое количество погон и лампасов, при котором постороннему человеку могло показаться, что он вдруг оказался в какой-нибудь банановой латиноамериканской республике.

Возле Центрального спортивного клуба армии на Ленинградском проспекте Москвы, спортсмены которого на 90% играли в сборных командах страны на всех международных соревнованиях, как-то вывесили фотографии хоккеистов этого самого знаменитого клуба в офицерских мундирах, над чем многие москвичи только смеялись. Из-за чего фотографии вскоре убрали

Мне о всей этой поголовной милитаризации страны и бюрократических трудностях при решении любых личных проблем после приезда в Вильнюс стало уже известно, поэтому я и не лез никуда с просьбами об увольнении из армии, хотя вскоре стал грезить гражданкой, мечтая сменить военную форму на гражданскую одежду. А вот такая «воспитательная работа» с неисправимыми прогульщиками и алкоголиками вызывала удивление. Ведь на содержание таких обломовых в армии, которые на гражданке могли бы стать полезными обществу людьми, тратились из госказны или карманов налогоплательщиков огромные средства в масштабе всей страны. И тратились только с единственной целью – показать всем остальным молодым офицерам, что обратного пути из армии нет, чтобы

отбить всякую охоту вот таким лёгким сравнительно способом рассчитаться с армией и уйти на гражданку.

При этом работники прокуратуры разводили руками – нет состава преступления, ибо все эти невыходы на службу происходят без оставления гарнизона. Человек просто болен, а посему заниматься им должны врачи - наркологи, а не военная прокуратура. Хотя можно было, конечно, такого нарушителя подвести под статью, типа «уклонение от служебных обязанностей», «невыполнение приказа» или ещё какую-нибудь. Можно было бы ввести в военное законодательство новую статью в УК применительно к таким прогульщикам. Или ввести положение о лечебно-трудовых профилакториях в армии без учёта выслуги лет при нахождении в них и т.д. Но в этом случае все гарнизонные прокуратуры были бы завалены подобного рода делами в ущерб остальным. К каковым относились: увеличивающиеся случаи кражи оружия, военной техники и военного имущества в армии (особенно в республиках Средней Азии и на Кавказе), неосторожное с ними обращение, в результате чего кто-то кого-то убил или ранил или сам себя подорвал на фугасе; неуставные взаимоотношения среди солдат и сержантов с увечьями людей; рост случаев дезертирства военнослужащих, мародёрства среди местного населения, дорожно-транспортных происшествий с погибшими и получившими ранения, должностных преступлений, преступлений по пьянке и др.

Работникам гарнизонных военных прокуратур и без этих «уклонистов» приходилось работать на полную мощь. Да так, что на огромное количество ежедневных статейных правонарушений в армии просто приходилось закрывать глаза.

Врачи тоже не радовались таким запойным больным, прибывающим к ним на лечение от алкоголизма, и размещая их на какое-то время, как тогда говорили, в «шестёрку» на психотерапию, и вскоре махнув рукой, признавались в своём бессилии вернуть в строй офицера.

Не увольнять же из-за какой-нибудь болезни, пусть хоть из-за алкоголизма. К тому же, чтобы уволиться из армии по болезни раньше положенного срока, нужно было иметь такую степень беспомощности, при которой не то что стакан уже нельзя было поднести ко рту, но и завтра нужно было ногами вперёд отправляться на кладбище. Инфаркты, инсульты, язвы желудка, травмы со смещениями черепной коробки, цирроз печени, прогрессирующая близорукость и т.д., согласно Приказу Министра обороны от 1963 года, имевшего силу до моего увольнения из армии в 1990 году, не являлись показателями полной потери служебной способности офицерами и причинами для их немедленного увольнения из армии. В лучшем случае вопрос решался военно-врачебной комиссией в индивидуальном порядке, а значит и с соответствующим, часто корыстным подходом к каждому её члену. Ведь всем этим молодым, но обделённым Богом или горячей точкой здоровьем офицерам, часто полагалась большая, 75% пенсия от их должностного оклада и звания по болезни или инвалидности, вместо 30% или

50% по возрасту и выслуге лет. Что для государства в масштабе всей армии явилось бы непосильным бременем. Часто таких калек отправляли на нестроевые должности, в военкоматы, преподавателями институтов, военных училищ, в гражданскую оборону. Или ещё куда-нибудь, только чтобы раньше положенного срока не платить им «дармовую» пенсию и не искать при этом кандидатуру на освободившуюся должность - авось эти «недочеловеки» умрут скоро на новом месте.

Однажды в Термезе в конце 80-х годов я встретил одного капитана из военкомата, которого отложение солей так сильно скрутило, что он, бедный, ходил с палочкой и торсом почти параллельным земле. И тем не менее служил, чтобы набрать выслугу хоть для минимальной пенсии. Другого выхода, чтобы выжить у этого капитана просто не было. А я удивлялся, ибо с этим капитаном в 1972 году служил в Казанджике и пили мы с ним одну воду из-под крана – настолько солёную, что ни один чайник не выдерживал длительного кипячения. И люди пили эту воду годами, а иногда и десятилетиями, находясь на службе в этом туркменском захолустье. Но возможно одни страдали от неё больше, а на других она не действовала столь губительно для здоровья.

Другой воды в Казанджике, хотя бы чуть более пресной, не было и в помине в радиусе на 100 километров. И я недоумевал: ну, почему я и этот капитан-калека, другие мои сослуживцы, служа в Туркестанском военном округе, должны жить неполноценной жизнью, а именно выживать в армии в отличие от других, служба которых проходила в центральных округах страны. Чтобы ещё потом после службы в ней добиваться получения где-то квартиры, подлечивать болячки, нажитые на службе, преодолевая при этом чиновничьи препоны и рогатки и сталкиваясь с явным непониманием своих проблем. Ведь сколько мне пришлось в этом ТуркВО (Туркестанском военном округе), которое офицеры расшифровывали ещё и как Только Умершим Разрешает Командующий Вернуться Обратно, хоронить молодых своих сослуживцев из-за различных южных болезней!

Мне в этой связи вспоминается мой разговор на гауптвахте в Ленинграде с одним капитаном, служившим в ТуркВО до поступления его в академию, который тогда признался мне, что если бы после академии получил назначение служить опять в Туркестан, то повесился бы.

Видимо в то время нельзя было увольнять всех инфарктников, инсультников, язвенников, тифозников, желтушников, безногих и безруких и т.д. по болезни. Ибо от армии ничего бы вскоре не осталось. И, как правило, всех этих больных офицеров оставляли на прежних строевых должностях. Хотя и с освобождением от физической и строевой подготовок. А в некоторых случаях и от нарядов.

Интересно было наблюдать офицеров на зачётных занятиях по физической подготовке. Где-то процентов 50 из них предъявляли проверяющим постоянные справки об освобождении от физподготовки из-за болезней, нажитых на службе. Ведь не все выдерживали тяжёлых условий

быта, сурового климата или постоянную нервотрёпку в армии, без отдыха, покоя и нормального питания. А ещё находились в строю получившие тяжёлые ранения на фронтах ВОВ или в горячих точках. Думаю, не последнюю роль в деле развала армии играла и самая большая в мире продолжительность службы в нашей армии: для младших офицеров - минимум 20 лет, для старших – 25. Наверное, поэтому где-то с 1967 года физподготовка стала неосновной дисциплиной в армии, мало влияющей на общую оценку всей службы офицера и солдата.

При этом, чем моложе офицер-алкоголик, тем меньше у него было шансов начать жизнь с нуля с посвящением всего себя любимому делу на гражданке, которое могло бы вывести его из запойного армейского тупика. А на задаваемый политработникам вопрос: почему же таких офицеров держат в армии? – следовал обычный ответ: попробуй вашего брата хоть одного уволь за пьянки – вся армия окончательно сопьётся и расползётся по домам. И в этом была своя горькая правда, позволявшая вот таким крепостническим, лишённым здравого смысла способом, удерживать армию от развала. Любые вольности в этом вопросе могли погубить не только все Вооружённые Силы страны, но, очевидно, и страну в целом.

Повторюсь, что таких безнадёжных алкоголиков в нашей дивизии было немного. Гораздо больше я их встречал уже после службы в Вильнюсе, в развёрнутых частях в Чехословакии и в Средней Азии. Но служили такие офицеры и в нашей гвардейской. Незадолго до моего приезда после десяти лет «воспитательной работы» за дискредитацию офицерского звания был уволен на гражданку в нашем артиллерийском полку секретарь комсомольской организации капитан Г. Но его уволили, во-первых, потому что он, скорее, лежал, чем стоял на должности передовых борцов идеологического фронта; во-вторых, был уже не молод; и, в-третьих, здесь уже срабатывала другая логика у начальства, очевидно, боявшегося, что этот офицер своими постоянными или периодическими запойными лежаниями на кровати наберёт необходимую для минимальной пенсии выслугу лет, и тем самым послужит дурным примером для подражания другим своим сослуживцам, что невозможно было допустить из принципа.

Столкнувшись в армии с такими порядками, я, наивный тогда молодой человек, как-то в отпуске в Москве из чистого любопытства зашёл в юридическую консультацию, чтобы узнать, могу ли я подать иск в суд на Минобороны из-за нежелания моих армейских начальников и командиров уволить меня из армии по собственному желанию. Что не согласуется со статьёй Конституции СССР, провозглашающей право любого гражданина страны на свободный выбор профессии? Мне ответили, что на каждую статью Основного Закона существует великое множество других статей Закона и подзаконных актов. А, по сути, гражданские суды лишены какого бы то ни было права рассматривать армейские дела. Для этого существуют военные прокуратуры. Которые и не подумают принимать к производству подобные иски против себя же самих,- сразу пришло на ум. Хорошо, что хоть

у Закона всемирного тяготения нет подзаконных актов.

Конечно, можно было ещё прикинуться душевнобольным, выдавая себя за реинкарнацию Адольфа Гитлера, адепта тайной мировой религии, или засекреченного президента страны Гонделупы, существующей в другом измерении, жители которой с нетерпением вот уже несколько лет ждут моего возвращения, чтобы я, как и прежде, встал у кормила власти. И готовы с оружием в руках выступить на моё вызволение из плена. Выставляя напоказ в дело и не в дело свою шизанутость. И с примерами подобного рода в офицерской среде мне тоже за свою службу приходилось сталкиваться – «голь на выдумки хитра». Но в этом случае можно было прослыть симулянтом, либо в лучшем случае остаться на всю жизнь с волчьим билетом в кармане в виде диагноза типа вялотекущей шизофрении со всеми вытекающими отсюда последствиями. И с получением букета ограничений, к каковым относились: запрет на получение высшего образования, трудности с трудоустройством, запрет на выезд за границу и т.д. К тому же с советской психиатрией шутки были плохи – можно было стать реально шизанутым. В конце концов, пришлось смириться с этим реликтом крепостного права, оставшимся в армии ещё со сталинских времён, при котором в стране гарантированы рабочие или служебные места и существует уверенность в завтрашнем дне. Не обращая внимания на низкую производительность труда и мизерные доходы людей.

Создавать же семью в надежде на получение квартиры и улучшение жизни, выбрав в спутницу жизни первую встречную, к тому же не встав ещё окончательно на ноги и в такой рабской зависимости, как сейчас, не было смысла. Ведь неизвестно было куда меня завтра пошлют служить. Страна у нас такая большая! И испытывать на прочность только что созданную семью с молодыми спутниками жизни не хотелось.

Единственное, что оставалось в моём положении – ждать его величества случая как своего рода манну небесную за неправильно принятое после средней школы решение. Авось всё и устаканится. Ведь я попал ещё и в такую систему, как в этом я вскоре мог убедиться, в которой ум, опыт и знания ценятся не так высоко, как исполнительность, угодничество и лояльность в офицерской среде. Главное, при начальстве всем своим видом не показывать свой ум. «Не делайте умное лицо, ведь вы же офицер», - эта формула служебного чиновничества существовала со времён оных и, очевидно, ещё долго будет считаться основополагающей для офицерской карьеры в Российской Армии. А значит, можно будет в будущем не мытьём, так катаньем попробовать добиться хоть какого-то веса в обществе и вместе с ним доступа к общесоюзной кормушке в соответствии со своими далеко не блестящими способностями и знаниями.

Но это в будущем, а пока, будучи молодым лейтенантом, командиром взвода, придётся терпеть обиды как представителю самой униженной части офицерского корпуса с его особым к себе отношением старослужащих офицеров. Это своего рода офицерская дедовщина. Недаром испокон веков в

армии существует такая прибаутка: «Здравствуйте, товарищи офицеры и командиры взводов».

Поэтому мне ничего другого не оставалось, как и любому арестанту, надеяться только на завтрашний праздник на своей улице, терпя трудности и унижения и, скрепя зубами, по возможности втягиваться в службу.

В офицерской среде существовала ещё и довольно значительная прослойка офицеров между карьеристами и отчаянными с умеренно пренебрежительным отношением к службе, которым мало светили погоны с двумя просветами по причине их пагубных привычек к спиртному или наркотическим средствам, запойной или простой человеческой лени. Здравомысляя, что майора они вряд ли получат, а чем раньше уволятся из армии, тем дольше проживут на свете, эти офицеры стремились набрать минимальную выслугу в 20 лет, чтобы в цветущем возрасте уйти на гражданку с 30-процентной пенсией в 70 – 80 рублей. Они особо не напрягались на службе и старались вести себя в рамках приличия так, как это позволяло оставаться в строю. При этом зная, что на гражданке они никогда таких больших денег, как в армии, не заработают. А армейское крепостное право и умеренно праздный образ жизни с женитьбами, оргиями и семейными, доходящими до служебного начальства скандалами, позволяло им держаться на плаву и благополучно набирать необходимый стаж. Иногда даже в льготном исчислении на морской или лётной службе. И всё это в зависимости от алкогольной выносливости организма, его стойкости к вредным внешним, внутренним, служебным, климатическим и профессионально-специфическим воздействиям.

Они могли и на службу не выйти, или показаться на ней в невменяемом состоянии, своровать и пропить что-нибудь из военного имущества или личных вещей своих товарищей, твёрдо зная, что ничего им не будет, даже если их поймут при этом за руку (какому уважающему себя начальнику охота выносить сор из избы!). Набить кому-нибудь морду и т.д. Лишь бы не переборщить в этом деле.

После каждого не оставленного без внимания командованием проступка они каялись, просили прощения, обещали не нарушать больше дисциплину и не показывать дурной пример своим подчинённым офицерам, прапорщикам и солдатам, били себя в грудь. Но проходило несколько недель или месяцев и кому-то из начальства опять становилось невмоготу из-за череды их выкрутасов. И опять их тащили на служебное, партийное собрание или на суд офицерской чести, чтобы очередным сотрясанием воздуха, угрозами вынудить к очередным обещаниям исправиться. После чего, поставив галочку в документе о проделанной работе с подшивкой объяснительной записки провинившегося, спешили доложить наверх, что воспитательная работа проведена. Нарушитель воинской дисциплины осознал свои ошибки. Полностью разоружился перед товарищами. И торжественно обещал повернуться лицом к службе.

Переводили их в другие части, иногда даже с повышением, чтобы они уже

другому начальству пудрили мозги и считали дни до дембеля. До которого они, как правило, дослуживали с четырьмя или тремя звёздочками на погонах и с хорошей пенсией на закуску. А на водку они уж как-нибудь в сорокалетнем возрасте зарабатывают.

Часто перед самым финишем они вдруг «исправлялись», проявляя служебное рвение, дабы любой ценой получить отсрочку от увольнения, а, возможно, и получить майорскую должность, и таким образом уже через несколько лет или даже месяцев с полным 25-летним армейским стажем уйти на гражданку, возможно, с двумя просветами на погонах, значительно большим, в 2 – 3 раза, пенсионным обеспечением, со множеством льгот и... правом на ношение военной формы одежды. Что позволяло где-нибудь в провинциальной глуши у себя на родине, уже легально, надев свой повседневный или парадный китель со своими юбилейными, а также украденными или купленными на толкучке боевыми медалями и орденами на груди, зайти в любой кабак, заказать кружку пива. И бесплатно угощаться за счёт подсевших к нему за столик алкашей, липнувших, как мухи, на военную форму. Рассказывая им байки про свои подвиги в Афганистане, или где-нибудь в другой горячей точке. И, показывая при этом шрамы на своём теле, полученные в детстве или по пьяни, выдаваемые за пулевые или осколочные ранения. А, видя разинутые от восхищения рты собутыльников, с каждым разом укрепляться во мнении, что так оно и было на самом деле.

И ведь часто на гражданке таких офицеров запаса «прошедших суровую школу армейской службы и боевых действий с богатым опытом работы с людьми» назначали на ответственные руководящие должности, но вскоре раскусив, как правило, увольняли. Хорошо если не после гибели людей по их вине, пожара из-за халатности или не по какой-нибудь солидной статье УК в связи с арестом.

А на фоне таких пофигистов и отчаянных, стремившихся любой ценой уволиться из армии. При растущей в стране, как на дрожжах, с каждым днём военщине, и крайне небольшом офицерском количественном и качественном выборе росли по служебной лестнице бездари, бытовые алкоголики, подхалимы, демагоги. И другой порочный приспособленческий подневольный люд, старавшийся выслужиться во что бы то ни стало и, вовремя лизнув кому надо руку, напомнить о своём брэнном существовании, чтобы получить вышестоящую должность, очередное воинское звание, ордер на квартиру или хлебное тёплое местечко на службе, что делало их на порядок свободнее и благополучнее. Например, преподавателя военной кафедры в гражданском ВУЗе, начальника отдела в военкомате, в системе гражданской обороны или в других полувоенных учреждениях с нормированным рабочим днём, гарантированными выходными днями, летними отпусками и повышенным денежным содержанием. А таких синекур в системе Минобороны в бытность моей службы в армии было хоть пруд пруди. И все они обладали явным преимуществом перед строевыми должностями. Без тревог, инспекторских проверок, многодневных учений,

без солдат в подчинении, за которыми нужен глаз да глаз и забота, гораздо более объёмная, чем в детском саду или в школе. Без занятий с подчинёнными по разным армейским дисциплинам, в том числе и по политподготовке. Без подотчётной техники, автотехники и вооружения, которые должны были содержаться на самом высоком боеготовом уровне и которые разворачивались со страшной силой всеми, кому не лень.

Такова была суровая проза гарнизонных будней с борьбой за место под солнцем униженных бесконечным бесправием с петровских времён людей. Лишённых каких бы то ни было свобод и прав, отягощённых тяжёлыми бытовыми условиями и небольшими доходами (простые американские солдаты получали больше многих советских генералов). Иначе и быть не могло в самой дешёвой в мире Советской Армии. В которой любой строевой офицер, имевший в подчинении от взвода и выше, должен был быть не только специалистом в своей профессии. Но и воспитателем, политработником, спортсменом, психологом, юристом, шофёром, механиком. А также часто электриком, автослесарем, связистом, медиком, химиком, хозяйственником, строителем и т.д.

Столкнувшись с такими порядками в армии, значительная часть молодых офицеров тут же опускало руки. И таким образом своим равнодушием к делам службы протестовало против навязываемой им универсальности, всеобъемлющей ответственности, бесконечных огромных штрафов за пропавшее в неизвестность имущество подразделения (ставящих их подчас на грань отчаяния за себя и свою семью) и, как следствие, безалаберности в делах. Ибо, по словам Пруткова «нельзя объять необъятное». А в конечном итоге протест направлялся и против государственно-армейского произвола и беззакония при явном нарушении общемировых норм и прав человека.

Гарантировавших конституциями цивилизованных стран, в том числе и СССР, всем своим гражданам свободный выбор и смену профессий. Из-за чего нельзя было в нашем не правовом государстве молодому офицеру начать жизнь с нуля соразмерно своим способностям, возможностям и склонностям. А, оказавшись в этой армейской ловушке-западне, благодаря советским средствам массовой информации. Восхвалявших на каждом шагу романтику военной службы. Из-за которой почти все российские женщины были горячими патриотками своей страны и стремились выйти замуж за военных. Им приходилось только сожалеть об опрометчивости выбранной после школы или срочной службы офицерской профессии. Которая почти нигде не была востребована на гражданке. И из-за неимения выхода в отчаянии приобщаться к дурным привычкам, запойному делу, или мнимой покорности.

Что в большинстве случаев делало многих либо неизлечимыми алкоголиками и наркоманами с преждевременным через несколько лет списанием со службы. Либо допустимо пьющими, худо-бедно тянущими армейскую лямку с показухой и очковтирательством, с периодическими залётами и скандалами, но в рамках субординации слабеющей с каждым днём армии.

Большинство военнослужащих которой были больше озабочены вопросами выживания, чем самой службой. Что, впрочем, позволило благополучно закончить её многим старослужащим алкашам и лентяям (часто инвалидами и неизлечимо больными) до горбачёвской перестройки и антиалкогольной кампании. Которые на поверку только ускорили развал многонационального Советского Союза с его рабоче-крестьянской кочевой ордой, напичканной ракетами с ядерными боеголовками, современными танками и авиацией. Ибо люди не любят внезапных перемен и потрясений, нарушения привычного ритма жизни и её уклада (попробуйте остановить фундаментным бетонным блоком тяжело гружённый грузовой автомобиль, летящий на огромной скорости с горы в пропасть!). Счастье, что мир не содрогнулся и не погиб от мегатонного ядерного взрыва! И пусть хоть все эти революционные начинания во благо здоровья людей, могущества и процветания родины. Но, как говорится, «не пожелай и врагу жить в эпоху резких перемен».

Но со всем этим я столкнулся потом, на протяжении всей своей офицерской службы. А в первый день 1967 года я, лёжа на кровати, мучительно размышлял, как мне выйти из этого непростого положения и на что жить дальше. На ум приходила только одна легенда о встрече на улице с подростками, попросившими меня закурить, а получив отказ, избившими меня. Хоть и выглядела эта сказка глупо, но больше ничего не приходило в голову. К тому же я эту версию случившегося со мной происшествия уже озвучил при встрече в гостинице с полковником Румянцевым, жившим этажом выше и очень удивившемуся разноцветности моей физиономии. А в отношении пропавших денег – попросить командира полка выдать мне аванс в счёт положенных подёмных в размере оклада за звание и должность, т.е. в размере 160 рублей, что до 13 февраля должно было мне хватить. Надо было как-то выходить из этого непростого положения. Не вешаться же. Хотя в первые минуты пробуждения мысли о суициде выглядели в моём воображении очень даже привлекательно.

Лицо моё распухало всё больше и больше, и на ум пришла ещё одна дельная мысль – попросить в санчасти у дежурного врача освобождение на 3-е суток. Не мог же я с заплывшими плохо видящими глазами и лилово-красным с царапинами лицом представляться взводу после новогодних праздников. К моему счастью я получил такое освобождение, да ещё и с направлением в гарнизонный госпиталь. Правда, пришлось идти и ехать на автобусе до госпиталя через определённую часть города, пугая встречных прохожих перебинтованным лицом с фуражкой на голове над лейтенантскими погонами на плечах. Ибо мой гражданский костюм превратился после встречи Нового года в половую тряпку. И затем в течение одного – двух часов пройти обследование сначала у терапевта, а затем у окулиста и получить на руки бумажку, что никакой серьёзной патологии у меня не обнаружено.

Огорчало ещё и то, что моё побитое тело стало сразу же достоянием гласности не только командования полка, но и дивизии. Ко мне в гостиницу,

чтобы полюбоваться моим видом, зачастили разного рода визитёры, как уже известные по недавнему представлению, так и совершенно не знакомые мне офицеры, с охами и ахами и явно поддельными сочувствиями в мой адрес. Самые первые дни службы в войсках – и такой форс-мажор! И всё же я тогда ещё оставался оптимистом, с твёрдым намерением делать военную карьеру. Пессимизм пришёл несколько позднее.

Мои соседи по койке танкисты, с которыми я встречал Новый год, стали меня опять куда-то приглашать составить им компанию. Но я уже наотрез отказался, ибо боялся опять влипнуть в какую-нибудь неприятную историю. К тому же от политработников уже знал, что в Вильнюсе, как и в Литве в целом, довольно сильны националистические проявления, особенно в молодёжной среде, и многие жители не очень-то хорошо относятся ко всему советскому и тем более русскому. Литовского языка я не знал и, имея литовскую фамилию, имя и отчество, мне в дальнейшем часто приходилось выслушивать упрёки от многих литовских друзей и родственников за мой непатриотизм к нашей общей исторической родине. Впрочем, как я вскоре убедился, и со своими новыми русскими друзьями приходилось держать ухо востро, ибо у меня в гостинице по ночам и в моё отсутствие стали пропадать не только деньги, но и другие ценные вещи и предметы военного обмундирования. Приходилось перед отходом ко сну всё самое ценное и мелкое прятать под матрасом и подушкой у изголовья. Мои новоиспечённые друзья жили, очевидно, по принципу «всё вокруг колхозное, всё вокруг моё».

Когда же эти двое танкистов, убедились, что я систематически и сознательно пренебрегаю их компанией с «искренним» ко мне дружеским отношением, то стали в мой адрес отпускать разные шуточки. Пришлось продемонстрировать одному из них свои накачанные с училища мышцы, прижав его своей довольно внушительной массой в угол стенки, да так, что тот запросил пощады.

Три и последующие несколько дней освобождения пролетели быстро и, хоть всё лицо ещё напоминало перезревшую сливу, пришлось выходить на службу. Так я дополнительно представился командиру дивизиона подполковнику Дищенко, начальнику штаба дивизиона майору Скоробогатько и, наконец, своему непосредственному командиру батареи капитану Ширяеву, - 42-хлетнему офицеру, как оказалось вскоре, сдержанному в конфликтных ситуациях, справедливо строгому к подчинённым и немного добродушному на вид. С которым у меня в дальнейшем сложились очень хорошие отношения, и который снисходительно относился ко всем моим выкрутасам в поведении, в конце концов научив меня многому в артиллерийской науке, а также работе с подчинёнными и документами.

Познакомился я со старшим офицером батареи старшим лейтенантом, 30-летним Проходой, и командиром взвода управления батареи своим ровесником лейтенантом Верцинским; с командирами взводов батареи

обслуживания лейтенантами Ряснянским и Лисицыным, сверхсрочниками Серебряковым и Бовтом.

Конец 60-х годов в армии отличался от последующих тем, что офицеры на командных должностях почти все имели солидные возраста и обусловлено очевидно такое к ним отношение было тем обстоятельством, что командование не желало расставаться с офицерами, значительную часть которых составляли фронтовики, имевшие богатый опыт работы в боевых условиях со времён Великой Отечественной войны. Поэтому имелись возможности для служебного роста всем офицерам дивизии, ибо многие из этих фронтовиков ежегодно всё же уходили на заслуженный отдых, освобождая свои должности для молодых сослуживцев, уцепившихся за сытый и благополучный во всех отношениях Вильнюс. Да, и командование соединения и полков справедливо считало, что гораздо надёжнее выдвигать на освободившиеся вакансии своих, проверенных уже службой офицеров, чем ждать, когда пришлут с округа «кота в мешке», то есть совершенно незнакомого офицера.

Да, и в военные академии в то время принимали офицеров, имевших возраст не более 32 лет, и с должности от командира взвода и выше, что создавало большие перспективы для получения высшего военного образования. С 1970 года это положение круто изменилось. В академии к вступительным экзаменам стали допускать офицеров только с должности сначала командира батареи и им равным, а чуть позже – только с должности командира батальона, дивизиона и им равных. К тому же командиром роты, батареи можно было стать лишь до 25-летнего возраста, командиром батальона, дивизиона до 30-летнего, командиром полка до 35-летнего и командиром дивизии мог стать офицер, имевший возраст не более 40 лет. В дальнейшем, с приходом на должность Министра обороны Устинова Д.Ф., вместо скончавшегося маршала Гречко в 1976 году, всё вернулось на круги своя. Что помогло мне в продвижении по службе.

Говорили, что маршалы и генералы при Гречко успели поставить своих сыновей и внуков на хлебные московские высокие должности после этого омоложения. А с назначением нового Министра возраст перестал играть главную роль при аттестациях офицеров на вышестоящие должности.

Познакомился я также и с фронтовиком старшиной батареей старшиной сверхсрочной службы Скрыпником. Он меня с побитым лицом и представлял взводу, сказав при этом, что я очень увлекаюсь мотоциклетным спортом, и упал на гонках на вираже.

На первом же совещании офицеров меня представили всем офицерам полка и замполит полка подполковник Вестерман попросил меня при этом, сидевшего и вставшего в первом ряду, повернуться лицом ко всем офицерам, чтобы они, очевидно, по моему лицу смогли уже составить обо мне своё первое мнение. Пришлось подчиниться, вспоминая при этом вычитанные откуда-то слова знаменитого французского модельера госпожи Коко Шанель: «У вас никогда не будет второго шанса на первое впечатление». Пришлось

вот так начинать свою офицерскую службу.

2-й огневой взвод, которым мне предстояло командовать, численностью где-то в 15 – 16 человек постоянного личного состава при штатной численности в 21 человек, состоял из 3-х неполных расчётов. И моим заместителем оказался командир 4-го расчёта сержант Миколюнас, с которым у меня с первых же дней службы сложились доверительные служебные и даже дружеские отношения. Он меня никогда не подводил и всегда выполнял все мои поручения и приказы вовремя и в срок. То же самое можно сказать и о командире 5-го расчёта сержанте Якутисе. 6-ым расчётом командовал сержант Самухов, который в отсутствие на службе по каким-либо причинам старшины Скрыпника выполнял обязанности старшины батареи да так рьяно, что солдаты его ненавидели и часто роптали за его прямолинейную принципиальность, но и боялись его, и отнюдь не его кулаков, а лишения увольнения в город. Начальство ценило Самухова. Надо сказать, что таких добросовестных сержантов после Вильнюса я нигде больше не встречал. Все сержанты после 1967 с переходом на 2-хгодичную после 3-хлетнего срока службы стали аморфными, нетребовательными ни к себе, ни к своим подчинённым, и по сути отличались от солдат только лычками на погонах.

Весь второй огневой взвод, как я уже писал, имел неполный состав, ибо многие солдаты находились в долгосрочных командировках – кто на свинарнике, кто в школе поваров, кто в штабе работал писарем. Числился в моём взводе и чемпион СССР по боксу мастер спорта Баронас, которого я в строю видел всего несколько дней за всю его службу в армии.

В ходе службы я познакомился с командирами батареи кадра капитанами: Алымовым, Гутовским, Каспаравичюсом, Эпштейном, Барсегяном, Ушковым. С начальником топослужбы полка капитаном Уогинтасом. Начальником службы ГСМ в то время был капитан Кибиткин. А начальником продовольственной службы капитан Алфёров. Познакомился и подружился вскоре с секретарём комсомольской организации полка капитаном Пашей Налимовым, который вскоре стал командиром батареи кадра, а его место занял лейтенант Лисицын. Фамилии многих других офицеров полка, к сожалению, уже стёрлись из моей памяти.

Все взвода батареи представляли из себя пёструю интернациональную смесь.

Привожу по памяти. Русские: Савинкин, Веселовский, Павлов, Смирнов, Журавлёв, Травкин, Верясов, Пуйтов, Пышкин (ефрейтор, трагически погиб в городе), Суздальцев, Слободан, Самухов, Щенников, Хотулёв, Лавренюк, Емельянов, Беляков.

Литовцы: Миколюнас, Якутис, Вайчюс, Мержвинскас, Вилкас, Паулаускас, Баронас.

Эстонцы: Кийбер, Лехтмяэ, Рябовыйтру, Курве, Сундук.

Украинцы: Янковский, Дуфанец, Скотник.

Казахи: Сыбанбаев, Усенов.

Евреи: Востокас, Блехштейн, Лейбман. Татарин Замальдинов. Цыган Сасин. Чеченец Абдулазизов. Латыш Путанс, оставшийся после службы на сверхсрочную. И другие.

Во время службы в Вильнюсе я заметил одну особенность у солдат эстонцев. В отличие от новобранцев других национальностей, прибывавших к нам в полк, все они, как правило, не знали русского языка. Поэтому где-то в течение нескольких месяцев офицерам для отдачи какого-либо распоряжения приходилось прибегать к помощи переводчиков из числа солдат. И держались эстонцы всегда обособленно от солдат других национальностей. Как-то на одном из собраний офицеров дивизии особисты хвалились, что раскрыли некую группу солдат-эстонцев, которые в очередную годовщину провозглашения независимости буржуазной Эстонией в 1918 году, пекли национальный пирог и за чашкой чая на чердаке клуба отмечали этот праздник с пением «националистических песен». Хотя сегодня можно только недоумевать - что здесь такого криминального? Но тогда такое своеволие с «контрреволюционным уклоном» могло попасть под статью. Дело в конце концов замяли и солдат развели по разным частям.

Появились вскоре у меня и друзья. В гостинице я познакомился со своим сверстником лейтенантом Лёней Шибко из зенитно-артиллерийского полка (любившим повторять при первом удобном случае: «набрали дураков в армию, а спрашивают, как с умных»). Со своим сослуживцем Володей Верцинским у меня сложились тоже дружеские отношения. В сентябре 1967 года к нам в полк из Одесского артиллерийского училища прибыл лейтенант Сергей Пряхин. С которым я также подружился. Несмотря даже на то, что его сразу же поставили на должность командира 1-го огневого взвода и старшего офицера батареи, вместо ушедшего на должность командира батареи кадра Коли Проходы. Ведь я и Верцинский могли обидеться, что нас обошли.

Были мы молоды, имели общие интересы, спорили, посещали кафе и рестораны, которых в Вильнюсе имелось великое множество. Ходили на танцы в гарнизонный дом офицеров. Знакомились с девчатами: литовками, русскими, полячками, еврейками. Из всех ресторанов отдавали предпочтение ресторанам «Дайнаве» с ночным баром и её концертной программой и «Бочу» за его особый уют, хорошие кухню и музыку. После таких программ и отдыха иногда опаздывали на службу и даже её прогуливали не больше, чем на один день, не в силах набраться сил и бодрости даже к ужину следующего дня, за что на следующий день попадали на ковёр замполита полка подполковника Манохина для очередной нахлобучки. Обсуждали с юмором наставления политработников, предупреждавших нас, что Вильнюс переполнен иностранной агентурой и чтобы мы не откровенничали со случайными знакомыми и не выбалтывали военные секреты или бытовые условия проживания. Что касается второго, то мы с радостью и даром рассказали бы какому-нибудь американцу или англичанину в каких скотских условиях приходится жить. Если в стране нет

гласности, то хоть таким вот образом можно было бы заявить протест в этом отношении.

На служебных дивизионных совещаниях нас также все политработники и особисты призывали к бдительности. Рассказывали, как где-то в Литве была поймана группа подростков литовцев, которые из малокалиберной винтовки обстреливали где-то пост МВД. Приводились другие примеры националистических проявлений.

Дружеские отношения у меня сложились, как я уже писал, с Пашей Налимовым. Паша закончил потом Военно-политическую академию в Москве и мы с ним встретились в 1973 году в Ашхабаде, куда его направили на должность замполита учебного полка. Мило поговорили, и он очень приглашал меня к себе в гости, но я так и не смог выбраться, о чём до сих пор жалею.

Служба моя, хоть и неудачно сложилась с самого начала, но всё же понемногу я стал входить в курс дела. Но с первых же её дней возникло ещё одно неприятное обстоятельство. Оказалось, что военный городок одной из своих сторон примыкала к улице Генерала Жемайтиса. Названа она так была в честь моего отца. В дивизии же о том, что я являюсь сыном этого генерала сразу же все узнали, очевидно, из моего личного дела. Начались неприятные для меня расспросы, при которых я называл себя однофамильцем генерала, и не более того. Но, как в дальнейшем оказалось, это не срабатывало, и вокруг моего имени стали происходить разные неприятные разговоры, портившие мне настроение, ибо происходили они все за моей спиной. Иногда какой-нибудь незнакомый мне капитан или даже старший лейтенант считал за честь остановить меня на улице в гарнизоне и сделать замечание то ли за какое-нибудь нарушение формы одежды, то ли за неотдание ему чести. Я с детства страдаю близорукостью и, будучи молодым, стыдился, как и все молодые люди, носить очки. Ибо они всегда считались и считаются в молодом возрасте признаком либерализма. Но честь часто не отдавал не потому, что не видел погон этого капитана, - не до такой степени я был близорук, чтобы не отличать звёздочки на них, - а просто из-за своей рассеянности и по заведённому порядку, когда младшие офицеры почти всегда не приветствовали друг друга. Было б это где-нибудь в другом гарнизоне – никто бы на меня и внимания не обращал. Здесь же специально останавливали, читали несколько минут мораль, чтобы потом в компании своих офицеров-сослуживцев рассказать со смехом, как он познакомился с «сыном национального героя Литвы» и какой лепет услышал от меня в ответ.

Однажды, ничего не подозревая, чтобы сократить расстояние до казармы своего полка, я свернул в сторону от прямой дороги. Вдруг услышал громоподобный окрик, а затем дикую брань и вдруг возникшую, словно из-под земли, фигуру подполковника – мотострелка с искажённым от ярости лицом. Оказалось, что я шёл по плацу и не заметил плакат, на котором жирным буквами было написано, что «по строевому плацу разрешается передвигаться только строевым шагом или бегом».

Терроризировали и разного рода дивизионные начальники, с бешеной скоростью проносившиеся по городку на легковых ГАЗ-69, и при виде меня, иногда лихо разворачивавшиеся и с тормозным визгом перекрывавшие мне дорогу. Опять выростала из машины мощная фигура какого-нибудь краснофуражечника с большими звёздами на двухпросветных погонах, с красным от благородного гнева лицом и нецензурной бранью за мою невнимательность к его персоне или к его вилп-машине с начальствующими спереди и сзади номерами. Или за нарушение правил передвижения по военному городку пешим порядком или ещё за что-то. И, внимательно слушая его бессвязную речь с одними только ругательствами, я долго не мог взять в толк, чем я вызвал гнев этого «мухомора» с таким остервенением, будто я ему плюнул в физиономию, отчитывающего меня. Потом в течение нескольких минут следовало занятия по строевой подготовке – подход и отход от начальника с отработкой строевого шага и доклада ему.

С тех пор во мне надолго укоренился комплекс неполноценности при виде военной легковушки или военной формы с крупными звёздами на погонах. И если я куда-то вышел из своей ночлежки в военной форме и встретил на своём пути какую-нибудь из ипостасей армейского чиновочитания – в любой момент жди громы небесные в свой адрес за какое-нибудь нарушение, о котором даже и нельзя было помыслить, погрузившись целиком в свои большей частью невесёлые мысли.

Раньше я и не думал, что простой ходьбой по улицам можно вызвать у кого-то приступ такой ярости к своей персоне. В училище и на ЦАОКе на меня никто так не обращал внимания. Никто из младших офицеров меня не останавливал и не делал замечания. Здесь же как будто все офицеры гарнизона были озабочены только тем, чтобы поставить меня на место и внушить, что я дерьмо по сравнению с каждым из них отдельно. И с этой целью любой встречный считал за честь пнуть меня ногой, чтоб я впредь не зазнавался и знал кто я такой на самом деле.

Со временем я просто перестал реагировать на все эти окрики, продолжая своё движение, и на меня махнули рукой, хотя иногда какой-нибудь офицер и посылал мне вдогонку проклятия, будто я единственный на земле человек, виновный во всех его с детства бедах.

Вскоре махнули на меня рукой и офицеры полка, быстро поняв, что я из-за своей лени явно не тяну на роль казачка, выполняющего все их приказы и распоряжения. Ведь я являлся своего рода промежуточным звеном между ними и солдатами, поэтому все офицеры в количестве 70 человек за исключением сержантов-сверхсрочников, стали отдавать свои распоряжения моим подчинённым, минуя меня, их непосредственного командира. На что я реагировал довольно жёстко, отменяя эти распоряжения, если они исходили не от моих непосредственных или прямых командиров. Благодаря чему вскоре нажил себе много врагов, с пеной у рта доказывающих мне, что они имеют право отдавать приказы солдатам моего взвода, минуя меня. Я

продолжал упрямо стоять на своём, пока в конфликт не вмешивался какой-нибудь офицер из числа моих начальников, осуждая или одобряя мою строптивость.

Скучать не приходилось, но и набирать, как конденсатор, в себя все эти гневные разряды – занятие тоже не из приятных.

Что и говорить, тяжело мне пришлось втягиваться в службу, о которой я в военном училище и представить себе не мог. К тому же с первых же моих офицерских шагов обнаружилась моя полная безграмотность в вопросах артиллерийско-стрелковой подготовки и огневой службы. Ведь училище я заканчивал по ракетному профилю. А за 4 месяца учёбы на ЦАОКе я не особенно горел желанием учиться (впрочем, и в училище тоже), да и никак не мог в полной мере усвоить программу военного обучения по совершенно другой специальности. Мои замедленная реакция и неуклюжесть также сказывались не лучшим образом в делах службы, и всё моё начальство не знало, куда меня прятать на всех проверках от офицеров из вышестоящих штабов. И их можно было понять. Ведь мою работу им приходилось постоянно контролировать, особенно на боевых стрельбах. К тому же все они мечтали о повышении по службе. А для этого должны были подготовить достойную себе замену при минимально ограниченных возможностях дивизиона и полка – всего лишь из трёх командиров взводов, двое из которых, я из-за своей неповоротливости и Верцинский из-за своей чрезмерной склонности к спиртному, считались совершенно безнадёжными в вопросах продвижения по службе. Офицеры же батареи обслуживания являлись технарями с другой военно-учётной специальностью и не могли составить нам конкуренцию.

А офицеров в войсках явно не хватало. Поэтому начальство в сердцах часто срывало на нас свой гнев.

В конце 1968 года в полк на должности командиров взводов стали приходиться так называемые «двухгодичники», офицеры с гражданки, только что закончившие ВУЗы страны. А к нам в полк лейтенанты из Политехнических институтов с военными кафедрами по ствольной, наземной артиллерии; которые после двух лет обязательной военной службы в массе своей увольнялись из армии. Лишь единицы оставались служить дальше. Отчего качество всего офицерского корпуса в нашей сухопутной системе резко пошло на убыль, ибо знания двухгодичников после института в вопросах артиллерийских дисциплин были ещё хуже, чем у меня к началу моей службы. К тому же вся армия в целом с приходом из гражданки большой волны интеллигенции стала быстро терять свой заповедный характер с его консервативными устоями и прусскими военными порядками, сохранившимися с петровских времён. А значит, вскоре перестала отвечать духу времени.

В полку на вооружении имелись 122-мм гаубицы образца 1938 года по три орудия в каждом взводе. А в качестве буксиров использовались артиллерийские тягачи лёгкие (АТЛы) на гусеничном ходу, с двигателями

ЯАЗ-201 мощностью 115 лошадиных сил, с расходом солярки 1 литр на 1 километр пути. Их тоже было во взводе по три тягача с одним резервным в батарее.

Из средств разведки имелись бинокли, приборы управления огнём, буссоли ПАБ-2А, светящиеся ориентиры и оптический дальномер ДС-09. В «НЗ» же, как вскоре я смог убедиться, были заложены на случай 3-й Мировой войны стереотрубы времён Великой Отечественной войны и такие же старые буссоли ПАБ-43.

И всё это имущество находилось у нас на вооружении в нашей гвардейской дивизии в то время, когда в американской армии для ведения разведки уже использовались лазерные бинокли, электровычислительные машины с автоматической наводкой орудий, портативные радиостанции, спутниковая система привязки элементов боевого порядка и т.д. И почти вся ствольная артиллерия была посажена за броню в самоходные установки, что увеличивало маневренность огневых взводов в ходе боя при сокращении почти в два раза боевых расчётов. На порядок увеличивалась неуязвимость этих самоходок от огня противника из-за брони и увеличенного расстояния между ними. Значительно сокращалось время на приведение батарей к бою и при смене огневых позиций.

Но, как говорится, нет худа без добра. На одном из занятий командир полка полковник Родин как-то сказал, что воевать на открытом воздухе всё же намного приятнее, чем за бронёй, в ограниченном до предела пространстве. Когда в этой «железке» зимой холоднее, чем на морозе на улице, а летом жарче.

Все офицеры полка с периодичностью 4 – 5 раз в месяц тоже стояли вместе с солдатами во всевозможных нарядах, как внутри военного городка, так и за его пределами. В патруле, в караулах, дежурным по части и т.д. Летом был ещё дополнительный наряд по водной станции, на пляже у реки Нерис, за который, если он приходился на выходной день, отгул не полагался. В то время в милиции только-только ввели резиновые дубинки, и мне часто приходилось наблюдать, как литовские милиционеры на этой водной станции пускали их в ход по всякому поводу. Из-за чего происходили конфликты с отдыхающими, переходившими иногда в потасовку. Наверное, из-за этого вскоре дубинки отменили. Потом опять ввели.

Самой хлопотной службой в наряде считалась должность начальника караула на гауптвахте. Гарнизонную гауптвахту в то время возглавлял старший лейтенант Попов, от которого доставалось по полной программе. На гауптвахте, кроме нарушителей воинской дисциплины из числа солдат и сержантов, содержалось много подследственных, а также и офицеров, арестованных в дисциплинарном порядке. Иногда тоже подследственных. Разные подходы, разные условия содержания арестованных, множество ключей от камер, большое количество документации, постоянные проверки службы, осмотры камер и обыски арестованных, разгильдяйство выводных и караульных – всё это создавало

большую нервозность и подчас неразбериху. Приходилось постоянно находиться на ногах и выполнять различные работы, в том числе и за сержантов, не имевших опыта работы с арестованными. Вильнюсская гауптвахта представляла тюрьму средних размеров, в которой нельзя было доверять никому ничего бесконтрольно. Даже ключи от камер всегда находились при мне и любое открытие или закрытие дверей гауптвахты, включая и входную дверь, по приказу коменданта, проводились только при участии начальника караула. Доставалось всем начальникам караулов. Дело доходило у меня чуть ли не до драк с Поповым, который иногда после окончания службы приказывал мне остаться в камере для младших офицеров. Я знал, что он не имел права меня арестовывать и не оставался, конечно, на гауптвахте, но по приезду в часть приходилось выслушивать нравоучения на повышенных тонах от своего начальства. В конце концов, по жалобам Попова, меня перестали направлять начальником караула на гауптвахту к явному неудовольствию моих товарищей. Но эта лафа для меня продолжалась всего где-то один или два месяца. Попов ушёл на военкоматовскую работу, начальником гауптвахты стал другой офицер, с которым у меня уже не возникало никаких конфликтных ситуаций. Не возникало у меня уже больше проблем на этой почве и с комендантом гарнизона майором Вишневым.

Часто приходилось заступать в наряд начальником караула за город по охране складов с боеприпасами. Там уже нести службу вдали от начальства было намного легче.

Для офицеров кадра в полку постоянно организовывались занятия по плану боевой и политической подготовки, а также мобилизационной готовности, знакомство с приписным составом по военкоматам, автомобильной техникой, предназначенной по плану мобразвёртывания в то или иное подразделение на случай войны. Периодически проводились проверки соответствия каждого военнообязанного или приписника (мы их также называли партизанами) своему назначению по военно-учётной специальности, т.е. той специальности, которую он освоил, служа в армии по призыву. Для них также периодически организовывались учебные сборы с привлечением к разного рода работам в полку. Приписники в то время ещё были послушны и в массе своей выполняли приказы и распоряжения начальников, боясь за неучёт прохождения сборов, - ведь им в этом случае на работе могли не возместить денежную компенсацию, которая и так была намного ниже их потерянного заработка.

Случаев нарушения дисциплины среди них, в сравнении с чуть более поздним периодом моей службы уже в другом месте, было мало.

Ежегодно для уборки урожая формировался целинный батальон, и многим офицерам полка приходилось в течение 6 – 7 месяцев на различных должностях в этом батальоне или в оперативной группе выполнять не свойственные им обязанности по службе по обеспечению всевозможных перевозок.

На полки дивизии возлагалась также ответственность по подготовке молодого пополнения призывников для отправки их в группы войск стран – участниц Варшавского договора.

И хоть офицеры развёрнутых частей часто шутили над нашими офицерами кадра, что у вас мол «мёд есть, а пчёл нет», т.е. нет солдат в подчинении, на самом деле мёдом службу у нас назвать было нельзя, имелись свои трудности, что делало её далеко не приятной во всех отношениях. Многие офицеры от командира батареи и выше даже жалели, что ушли с развёрнутых частей, ибо бумажная мобилизационная и на побегушках работа далеко не всех устраивала. Штатно-должностные книги, учётные карточки, планы мобилизационного развёртывания, качественные характеристики приписного состава, изучение их на соответствие по должностям, проведения занятий с ними, подвижные и стационарные пункты развёртывания и документация к ним и т.д. делали всю службу не такой уж и лёгкой.

Тем не менее выходные были при общей 6-дневной рабочей неделе. А за наряды в выходные и в праздничные дни полагались отгулы, что позволяло расслабиться от начальства, отдохнуть от своих подчинённых солдат с их проблемами и детским порой поведением.

Если б не выходные дни, которых в армии при мне становилось всё меньше и меньше, наверное, пришлось бы самому делать их себе, ибо молодость в любом случае брала бы своё. И никто бы не смог меня и моих друзей заставить вести монашески-казарменный образ жизни, когда за заборами военного городка жизнь была ключом со всеми развлечениями и удовольствиями. Хотя попытки перевести нас, молодых лейтенантов, на казарменное положение у начальства были. Ибо многие старшие офицеры считали, что это переселение поможет укрепить дисциплину в подразделении и послужит на пользу всей службе.

Как-то наш командир дивизиона подполковник Дищенко «в целях укрепления дисциплины во взводах» приказал мне и Верцинскому переселиться в казарму в отведённую уже для нас комнату. Но после моего ответа, что я сделаю это только в том случае, если мне разрешат надеть погоны рядового солдата, услышал: «Если б у меня были хоть на один день соответствующие права, я бы именно вас в первую очередь разжаловал в рядовые». На том всё и закончилось. Но в казарму однажды мы всё-таки вынуждены были переселиться, ибо в гостинице делался ремонт и где-то 2 – 3 месяца мы с Пряхиным и Ряснянским жили в казарме. Верцинский жил в то время в съёмной квартире.

Тогда уже Дищенко был не рад нашему казарменному положению. И с нетерпением ждал, когда нас водворят обратно в гостиницу, ибо мы свободно разгуливали по всем этажам в гражданской одежде, солдаты часто видели нас под хмельком, да и проверяющие могли наткнуться на нашу комнату с пустыми бутылками на полу, всю прокуренную и с плохо заправленными постелями. Больше угроз о переводе нас на казарменное положение «за плохое состояние дел во взводах» я ни от кого не слышал.

Как бы начальство в последующие годы моей службы не пыталось удержать развал армии увеличением продолжительности рабочего дня и сокращением выходных и праздничных дней, молодость брала своё. И никакие угрозы и уговоры на молодёжь уже не действовали. Поэтому с каждым годом всё большая и большая ответственность по поддержанию дисциплины и порядка в частях ложилась на плечи старших офицеров, которым перед уходом на пенсию было что терять. Тогда же в 60-е годы в Вильнюсе перед уходом домой можно было ещё положиться на сержантов, хотя на выходные дни кто-то из офицеров всё же находился в подразделении в качестве ответственного дежурного. Но, в основном, для того, чтобы проконтролировать прибытие солдат и сержантов из увольнения, а не для контроля работы сержантов и поддержания дисциплины среди солдат.

До ужесточения режима службы в войсках было довольно далеко, и тем не менее с каждым днём лишний раз приходилось только приходиться к неутешительному для себя выводу, что я зря выбрал военную профессию – «не по Сеньке шапка». Хотя и приходилось слышать от своих начальников, что «мы все тоже родились не держимордами, а вот приходится иногда ими быть».

В армии хорошо жилось офицерам-горлохватам, подвижным, как ртуть, даже независимо от того есть ли прок от такой подвижности. Суетится – значит работает. К тому же я понял, что не видать мне высшего образования, как своих ушей. Ко всему военному у меня сразу же выработалось такое отвращение, что ни о какой академии и речи быть не могло. Да, и в гражданский институт никто мне не позволил бы сдавать экзамены. Ведь тот же Дищенко мог под предлогом, что у меня нет порядка во взводе, не дать мне такого разрешения.

Впрочем, мой друг Володя Верцинский тайком от начальства поступил на курсы марксизма-ленинизма, чтобы иметь больше свободного времени для бесконтрольных пьянок. Начальство, узнав об этом, долго не могло успокоиться и смириться с этим своеволием и всеми путями пыталось запретить эту учёбу. Но поезд уже ушёл, приказ был подписан и на целый год один раз в неделю Володя освобождался от служебных обязанностей и нарядов. Мало что значившие курсы марксизма-ленинизма не институт, в который, чтобы поступить, нужно было выполнить целый ряд формальностей и согласований со своим начальством. Да, и поступать я имел право только на заочное отделение Политехнического института. А если у меня душа лежала к гуманитарным дисциплинам? Значит, сиди и не рыпайся. Вдобавок ко всему до меня стали доходить слухи, что мне теперь в будущем, после 25-летней службы, согласно приказу Минобороны, придётся забыть о возвращении в Москву, закрытый, оказывается, для прописки город, равно как и в другие центральные города и области. С этим приказом терялся весь смысл моей службы в армии. Ведь неизвестно, где я закончу службу, и где буду жить в 40 - 45 лет. Тем более, когда в Москве с переездом мамы, сестры и племянника в новый район Москвы у меня появилась своя изолированная

отдельная комната двумя этажами выше в том же подъезде дома.

В общем, куда ни кинь – везде клин. Служить же ради повышенной в 45 лет военной пенсии, ждать её больше 20 лет, чтобы потом закончить свои дни в глухой провинции. Когда ты молод и полон сил, было равнозначно ожиданию обещаемого в то время ещё с самых высоких трибун страны прихода коммунизма. Который, как тогда говорили, «был уже на горизонте» и, очевидно, вместе с горизонтом удалялся по мере приближения к нему.

Но не такой у меня был характер, чтобы ударяться во все тяжкие и, подобно многим молодым офицерам, всем своим поведением и отношением к службе ставить карту на увольнение из армии лет эдак через 10 «за дискредитацию звания офицера». А другого выхода навсегда расстаться с армией в моём возрасте в принципе не существовало. Я продолжал надеяться на чудо и, правда, уже в меньшей степени, чем раньше, на помощь друзей отца. Поэтому я понемногу стал втягиваться в службу, которая на поверку оказалась где-то на половину состоящей из разного рода отчётов о проделанной работе, победных репортажей о выращенных отличниках боевой и политической подготовки, классных специалистах и спортсменах-разрядниках. С этой целью писались расписания занятий, заполнялись журналы боевой подготовки, в которых учитывались ежедневные занятия. Несмотря даже на то, что сами эти занятия проводились от случая к случаю из-за постоянных, через день, заступлений взводов во всевозможные наряды и работы. За исключением 2-х месяцев в году, когда весь полк выезжал на полигон для боевых стрельб. В журналах же все на 90 процентов виртуальные занятия должны были отражаться как реально проведённые. Вёлся учёт, кто с кем соревнуется, успехи каждого солдата в соцсоревновании за каждый день, между расчётами, взводами, батареями. А в масштабе дивизии - между полками и отдельными подразделениями. А как, к примеру, мой 2-й огневой взвод мог соревноваться с 1-ым, если последний комплектовался лучшими солдатами и специалистами? Ни один солдат этого взвода не откомандировывался в другие подразделения и на другие объекты. Как могла 1-я батарея соревноваться с батареей обслуживания, если батарея обслуживания уступала 1-й как по численности личного состава, так и по своим задачам? Как мог артполк соревноваться с зенитно-артиллерийским полком, если у этих двух полков совершенно разные организационная структура и задачи по стрельбе?

Регулярно заполнялась настенная документация в виде боевых листков, стенгазет, листков-молний, итогов соцсоревнования, в которых отражались успехи всего личного состава в боевой подготовке, в овладении своей основной и смежной специальностями, в успехах в спорте. Критиковались нарушители дисциплины и порядка. Отдельно учитывались успехи в политической подготовке, для чего вёлся отдельный журнал с учётом отрабатываемых тем. Существенная разница заключалась в том, что если занятия по всем армейским дисциплинам проводились от случая к случаю, то политзанятия – кровь из носа, хоть по другим дням или даже по выходным,

но тематика должна была отрабатываться реально в виде лекций, семинарских занятий или самоподготовки. Почти то же самое касалось и политинформаций.

Из числа грамотных сержантов и солдат назначались агитаторы. Их работа также учитывалась в настенной документации с выставлением оценок. И за всем этим бумаготворчеством, больше похожей на формальный отчёт по политработе, должны были следить офицеры батареинного звена. Чтобы в любой момент любому вдруг свалившемуся для проверки состояния дел проверяющему можно было втереть очки, - представить отчёт о проделанной работе.

Один раз в месяц проводились комсомольские собрания, на которых принимались соцобязательства, встречные обязательства, о чём составлялись протоколы и отчёты, хотя комсомольский народ на всех этих собраниях в подавляющем большинстве откровенно спал после очередного наряда или работ, и вся эта говорильня им была до лампочки. Выступающие читали свои выступления по заранее согласованному с комсоргом текстом, часто даже не понимая, о чём идёт речь. Все эти собрания и решения по ним были настолько шаблонны и формальны, что по окончании всех этих сборищ присутствовавшие на них комсомольцы, напрочь забывали, о чём шёл разговор. И, естественно, не могло быть никакой речи, чтобы отдельно взятый комсомолец, расчёт или взвод выполнил хоть что-нибудь из перечисленного на собрании, обязывавшего его к исполнению.

Для проведения политзанятий политработники требовали от каждого командира взвода полноценных конспектов по очередной отрабатываемой лекционной теме листов на 25 – 30 общей большой тетради. На наши же вопросы, когда мы будем их писать, если приходится часто уходить со службы около 12 часов ночи, а политзанятия нужно проводить два раза в неделю, не считая политинформаций и подготовки к проведениям других занятий или паркохозяйственных дней, неизменно следовал ответ: хоть за счёт своего сна.

Мои друзья лейтенанты выходили из положения, сажая за написание конспектов своих солдат. В моём же гвардейском 2-ом огневом взводе, в отличие от других взводов батареи, комплектовавшемуся самыми отстающими во всех отношениях солдатами, в том числе и в области русской грамматики, некому было поручить столь ответственное дело – переписать слово в слово текст из какого-нибудь пособия по политподготовке, валявшемуся на каждом столе ленкомнаты.

Поэтому считая, что я из принципа не должен тратить своё драгоценное личное время на эту, как я считал, никому не нужную ерунду, я на все политзанятия со взводом или со взводами в отсутствие по какой-нибудь причине одного или двух других командиров взводов, являлся всегда имея на руках несколько листков тонкой тетради собственноручных записей, которые сам потом с трудом разбирал по буквам под неусыпным оком замполита

полка подполковника Манохина, часто присутствовавшего у меня на занятиях как у самого отстающего идейного бойца и несознательного «молодого представителя партии в армии». Несмотря даже на то, что я с юношеских лет являлся критиком всей советской системы. А посему и занятия проводил без какого бы то ни было пиетета и вдохновения, заикаясь, (слегка страдал с детства этим дефектом речи), всем своим видом показывая солдатам, что делаю это по принуждению. Иногда допуская в отсутствие проверяющих разного рода, как тогда считалось, антисоветские высказывания, что тут же становилось известно начальству по чьему-нибудь солдатскому стуку. Поэтому неудивительно, что по окончании этих занятий я неизменно стоял у замполита в кабинете на ковре, выслушивая где-то в течение нескольких десятков минут грома небесные в свой адрес с русскими словами из ненормативной лексики. Часто с угрозами сначала меня расстрелять или даже повесить на первой же попавшейся осине, чтобы сэкономить патроны, очень нужные в бою, как только страна перейдёт на рельсы военного положения уже в ближайшее время. А пока меня запросто можно упрятать в тюрьму на долгий срок за систематическое невыполнение приказов, как Министра обороны, так и Начальника Главного политического управления армии, под которыми я расписываюсь раз в неделю на зачитках приказов для всего офицерского состава полка.

На мой же наивный вопрос, уволят ли меня, наконец, после тюрьмы из армии или опять придётся служить в ней после отсидки? следовал ответ, что раз я добровольно сунулся в силовые структуры страны, то и после отбытия долгого срока мне придётся отрабатывать затраты государства на своё содержание и обучение в училище. А поэтому служить всё равно придётся, но уже, вместо звёзд с просветами, с лычками на виртухайских погонах и красной фуражке на голове где-нибудь на Крайнем Севере или за Полярным кругом без права возвращения в центральные районы страны. Конечно же я не верил всем этим угрозам, зная к тому же, что все они из 30-х годов, «когда жизнь была, как в автобусе – половина пассажиров сидела, вторая половина тряслась» и рассчитаны Бог знает на кого, только не на офицера – москвича.

Иногда во время этого словесного камнепада на мою голову на мои с трудом и с заиканием выговариваемые «логические» заключения типа, что «вы только всегда грозите меня повесить или посадить в тюрьму. А я до сих пор жив и служу в армии. Что лишний раз только доказывает существование миллионов таких, как я». Или, что «всё ваше добровольно-принудительное строительство Вооружённых Сил противоречит открытию Дарвиным естественного отбора среди живых существ на планете, в том числе и по разуму; по которому все слабые изгоняются из её сообществ, чтобы не заражались болезнетворными вирусами немощи все её здоровые собратья по видам».

После таких «убойных аргументов», мат и угрозы тут же прекращались, наступала короткая пауза, затем следовал беззвучный, непродолжительный

смех Манохина с небольшим раскачиванием всего его корпуса. Когда вся его душа раскрывалась передо мной улыбкой с тускло светящимся звёздным светом передним металлическим зубом, и я видел вздрагивающего от смеха доброго дедушку с носом-картошкой и с подполковничьими погонами на плечах. Запугивание тут же прекращалось, и моё воспитание плавно переходило в спокойное нравоучение с примерами из фронтового опыта моего визави, - Манохин в годы ВОВ командовал пехотным взводом, - после чего уже шла навязанная мной беседа на свободные темы. При которой нами обоими выкуривались все мои карманные запасы сигарет, ибо я всегда запасался ими впрок, идя на занятия по политподготовке, в твёрдой к тому же уверенности, что после них буду вызван на проработку к Манохину. К нашей беседе и моим сигаретам часто присоединялся торчащий постоянно без дела в штабе подполковник Гончаров. Которому Манохин жаловался примерно так: «Представляешь, захожу в класс для проверки лекционного занятия, а этот оболдуй сидит на столе с фуражкой на голове и читает солдатам текст из учебника «На страже Родины». Обращаясь ко мне: «Ты бы ещё залез на потолок и читал бы им оттуда учебник».

После очередного всплеска эмоций у Манохина беседа в конце концов переходила в жаркую дискуссию, и от ненаписанного мной конспекта к лекции мы переходили к обсуждению философских вопросов, международной обстановки, критике культов личности Сталина и Хрущёва. А потом и к преимуществам и недостаткам капитализма и социализма. При этом я по очереди защищал то капитализм, свободную конкуренцию и предпринимательство, - недаром в Москве мне до армии приходилось часто общаться с разного рода фарцовщиками и стилистами, заложившими мне с детства азы нехитрой экономики по принципу: «сегодня купил подешевле, завтра продал подороже, и все разошлись при своих интересах».

В другой же раз, сам себе противореча, защищал социализм. И что политика КПСС ничего общего не имеет с заветами и идеологическим наследием Ленина, что в настоящее время особенно проявляется в аграрной политике страны.

Бравировал цитатами из первоисточников, как китайский фанатик из цитатника Мао. Указывал на нестыковки и противоречия в идеологии, чем часто ставил Манохина в тупик. И ему ничего другого не оставалось, как просто молчать и хлопать глазами или стучать кулаком по столу, чтобы хоть в таком виде не оставить мой вопрос без ответа.

И если вся политработа в армии имела в своей компоненте две составляющие: марксизм-ленинизм, который принимался за догму, не оспаривался в армии и не подвергался какой бы то ни было критике. А всё остальное навешивалось на эту основу, как на вполне разумеющееся и очевидное, - то я в своих дискуссиях с Манохиным подвергал сомнению основы марксизма-ленинизма и требовал разъяснения по тем или иным философским проблемам. На что, конечно же не получал вразумительного ответа.

Тем не менее часто наши споры длились часами и мои командиры, зная, что я на очередной дискуссии у замполита, с нетерпением ждали моего возвращения, чтобы отдать какое-нибудь очередное распоряжение к немедленному исполнению. Из кабинета Манохина я всегда уходил с гордо поднятой головой, в роли идейного борца за справедливость и без единой сигареты в кармане. Хотя и сам прекрасно понимал, что вся эта свобода слова с моей стороны может мне когда-нибудь сыграть плохую службу. Ведь уже, по слухам, в глазах многих офицеров полка я стал выглядеть человеком, у которого в голове «не все дома». И однажды за столом кафе в беседе за рюмкой водки с одним офицером я услышал: «А мне говорили, что ты шизанутый. А ты очень даже приятный собеседник и очень хорошо, что мы с тобой познакомились». После такого «комплимента» в душе возник неприятный осадок, и я всё больше и больше стал замыкаться в себе, избегая новых знакомств, успокаивая себя кем-то сказанными словами: «Чтобы выделяться из толпы, достаточно просто быть человеком». Тем более в армии.

В этой связи вспомнились русские народные сказки, во многих из которых главным героем является герой русского фольклора «Иван-дурак», но не потому что он действительно дурак, а потому что считают его таковым из-за его честности, прямолинейности и бескорыстности те, кто не обладает такими качествами. И который в конце сказки превращается в красавца «Ивана-царевича». В жизни также – украл и не попался - значит умный. Не хочешь воровать, оставаясь благородным, или поймали на воровстве – дурак. Своим трудом и прямолинейностью обрёл вес в обществе, создал семью и домашний уют – ты в шоколаде, тебе повезло, например, как мне, ибо всё, что я имею на сегодня в виде скромного достатка и благополучия – это результат моего выбора, основанного на моих происхождении, образовании и воспитании, что помогло мне идти по жизни, несмотря на многие насмешки и злословия окружающих, на что я не обращал внимание и старался не принимать все эти колкости близко к сердцу.

После очередных лекционных занятий всё повторялось. А когда после политзанятий мне нужно было отдыхать перед заступлением в наряд, приходилось молча выслушивать поток бранных слов в свой адрес, чтобы поскорее освободиться и уйти в свою ночлежку. Да и Манохин не всегда бывал в настроении к спокойной беседе, и случалось, что на все мои попытки перейти к философствованию по проблемным вопросам современности следовало шипение: «Научили мудака уму-разуму, так он теперь всем показывает здесь свои знания! Лоботряс х...! Да я в сто раз больше забыл, чему ты выучился за всю свою жизнь...». И уже под конец этой накачки: «Пошёл вон со своей гнилой философией!» И всё это сопровождалось битьём кулаком по столу и топотом ног. А иногда и громким хлопком кипы бумаг об стол и разлётом листов по всему кабинету. Я выходил без какого-либо осадка в душе, помня о том, что ругательное слово «мудак» у артиллеристов переводилось как Мудрый Умный Дальновидный Артиллерийский

Командир. А слово «гнилой» ставилось впереди любого определения или системы взглядов, противоречащих государственной идеологии. Чаще всего этот эпитет ставился впереди слова «интеллигент».

Через какое-то время всё повторялось.

За напускной замполитовской внешней суровостью Манохина в нём в общем-то билось сердце добродушнейшего и совершенно безобидного человека, которому в силу его служебного положения приходилось играть роль требовательного и строгого воспитателя, державшего, как он, очевидно, думал, под страхом мыслимых и немыслимых наказаний полторы сотни человек личного состава полка. Никто всерьёз эти фронтовые угрозы уже не воспринимал, и над ним смеялись за глаза многие офицеры. Даже солдаты его не боялись и в шутку называли «чёрным полковником» под впечатлением недавнего переворота в Греции, в которой власть захватили армейские полковники.

Это было время, когда во главе Советского Союза стоял бывший политработник полковник Брежнев, хорошо понимавший значение армии в деле создания ему в народе репутации «великого полководца-стратега» в милитаризованной до предела стране. Численность армии росла не по дням, а по часам в ущерб её качеству, достигнув вскоре отметки в 6,5 миллионов. И на самом верху, очевидно, поняли, что при постоянно увеличивающейся нагрузке на всю армейскую вертикаль власти. Когда малейшие перегибы в её строительстве и идеологическом воспитании могут обернуться катастрофой, нужно было создавать такую систему воспитания всего личного состава Вооружённых Сил, при которой методы убеждения превалировали бы над репрессивными методами принуждения. Ведь сажать и расстреливать всех подряд, как в сталинские времена, нельзя было – во всех силовых структурах сидели уже совсем другие люди, гораздо менее кровожадные, с другим отношением к жизни и к своим служебным обязанностям. Да, и перед границей было бы позорно опять использовать столь радикальные старые методы устрашения. СССР как сырьевой придаток Запада мог развалиться в любую минуту из-за экономических санкций цивилизованных стран в ответ на внутренний террор.

Дальнейшая жизнь показала правоту именно этой, брежневской доктрины с воспитательным уклоном всех военнослужащих. Ибо в конце 80-х – начале 90-х годов, при Горбачёве, вся армия, достигшая своего апогея по численности и пестроты по национальному составу, развалилась именно потому, что резко усилились репрессивные меры воздействия не только в отношении пьяниц, воров, несунув, нерадивых в делах службы офицеров. Но даже и к проявлявшим либерализм и мягкотелость в работе с подчинёнными. Причём, судили об этих качествах сами их непосредственные начальники. Офицеров безбожно снижали в должностях за малейшие провинности, увольняли в запас раньше положенного срока за одно-единственное какое-нибудь нарушение на службе и т.д. Что развязало руки многим командирам и начальникам для избавления от неудобных им подчинённых с целью

продвижения своих людей, зачастую разного рода льстецов и подхалимов. Но даже и в этих условиях молодые офицеры оставались вне зоны всеармейской широкомасштабной чистки, значительная часть которых мечтала попасть под вал всех этих пертурбаций, чтобы как можно скорее оказаться на гражданке. При этом вся пирамидальная система армии оставалась неизменной. И опиралась всей своей массой на инертную в делах службы и поддержания дисциплины непрофессиональную солдатскую массу. Да ещё с её молодыми офицерами, отягощёнными в большей степени вопросами выживания, чем самой службой. И сержантами, полностью зависимыми от своих подчинённых солдат, от их настроения и кулаков. А ведь Германия после 1-й Мировой войны не распалась на кусочки независимых стран, каковую она представляла ещё в середине 19 века, благодаря только тому, что ей удалось после поражения в Первой мировой войне сохранить армию. Которая в начале и середине 20-х годов в корне пресекала все вылазки коммунистов во главе с Тельманом по разрушению страны. Несмотря даже на широкомасштабную помощь ему и его соратникам со стороны советского руководства.

А в нашей армии, вместо уволенных за различные нарушения и преступления офицеров и прапорщиков, приходили другие офицеры и прапорщики, ничуть не лучше по своим моральным и деловым качествам предыдущих. И это только лишний раз служит подтверждением старого выражения, что «история наказывает всех за не выученные её уроки». Из одной крайности мы с завидным упорством продолжаем впадать в другую. Никогда наши руководители страны в советское время в своей внутренней политике не придерживались золотой середины. И в этой связи вспоминается мудрость императрицы Екатерины 2-й, как её назвал народ, Великой. Которая после назначения какого-нибудь знатного дворянина на высокую государственную должность и, убедившись вскоре в его полной недееспособности на важном для страны участке работы, не увольняла его и не наказывала, а переключалась на работу с его заместителями.

И если б я был журналистом. И мне довелось бы интервьюировать бывшего президента СССР Горбачёва М.С., я бы в первую очередь его спросил: как он объяснит приход жуковщины в середине 80-х годов во время своего правления страной. Когда всех старших офицеров и генералов за малейшие провинности снимали с должностей. Генерал-лейтенантов ставили на полковничьи должности, полковников на майорские и т.д. При этом не учитывался ни многонациональный состав армии. Ни её униженность в вопросах служебной подчинённости, быта и денежного содержания. Ни бесправность всего её личного состава при выборе места службы, географических условий пребывания с благоприятными или губительным для здоровья офицеров и членов их семей климатом, отдалённость от родных мест и т.д.

Именно со времён Брежнева, умнейшего, как я считаю, руководителя страны, и появилось крылатое выражение из кинофильма «Операция «Ы» и другие

приключения Шурика», высмеивающее всю тогдашнюю воспитательную работу в стране: «В то время, когда наши космические корабли бороздят Большой театр...» Другого отношения к нарушителям дисциплины в труде и в службе в принципе не могло быть в то время, ибо репрессировать всех подряд, как в сталинские времена, уже нельзя было. И в армии это воспитание в отличие от гайдайевского прораба, которую великолепно сыграл артист Пуговкин в известном всем кинофильме сводилось к четырём «ВЫ»: вызовут, вые...ут, высушат и выкинут. Разумеется, в основном только из кабинета.

Десятилетиями создавалась такая система, которую ни в коем случае нельзя было видоизменять без осторожного, постепенного перехода в новую ипостась с сокращением всех Вооружённых Сил и перехода к контрактной системе комплектования офицерами и солдатами. Для армии всё это её устаревшее строительство до Горбачёва породило в то время один анекдот о проблемах: «Как уволить полковника из армии, майора вернуть в семью, а лейтенанта заставить работать?»

Поэтому вызовы на ковёр меня и других отстающих в службе офицеров продолжались, а на все заключительные слова беседы Манохин неизменно спрашивал: «Ну, что, Жемайтис, даёшь обещание исправиться?», к которым иногда он также добавлял: «Ведь ты с такой знаменитой фамилией мог бы стать у нас в полку и в дивизии нашей гордостью, почти наравне с твоим же сослуживцем Героем Советского Союза майором Бородиным. Тем более, когда ты знаешь основную заповедь армейской жизни: «Не умеешь – научим, не хочешь – заставим». Пойми, - одно дело, когда человек старается и у него ничего не получается. Другое – когда человек сознательно ничего не делает и не хочет ничему учиться». Я же неизменно отвечал примерно так: «Остаюсь при своём мнении. И в силу того, что из меня пытаются сделать закабалённое бессловесное существо, без всяких узаконенных путей возвращения на гражданку, то я и буду продолжать служить в соответствии со своим униженным положением. И не буду никогда тратить своё личное время на подготовку к политзанятиям, ибо даже соловей не поёт в клетке, пусть даже сделанной из золотых прутьев. Я не политработник и прикидываться им не умею и не хочу». Последнее слово оставалось за Манохиным, и напоследок он мне говорил, примерно так сладенько и с наклоном головы: «Никуда ты не денешься, пройдёт время, и ветер в твоей голове улетучится и у тебя не будет другого выхода, как повернуться лицом к службе и стать таким же офицером, как большинство вышедших из молодого возраста. Сам вскоре поймёшь, что другого тебе не дано, раз уж выбрал военную профессию. И чем скорее произойдёт этот переворот в твоём сознании, тем будет лучше для тебя и твоего офицерского роста. Уволить тебя из армии сейчас ни командование полка, ни командование дивизии при всём своём желании не могут. А вот когда ты станешь больным и немощным, и до пенсии останется всего ничего, вот тогда от тебя будет даже очень просто избавиться, отправив на гражданку в нищету и болезни за

дискредитацию звания офицера».

В дальнейшем, всё так и произошло, как предсказывал Манохин. Пришлось смириться с положением невольника. А вот кто в конечном итоге выиграл от этого насилия, я или армия в целом, развалившаяся вместе с Советским Союзом? Выходит, прав был я, когда ссылался Манохину на труды Дарвина применительно к нашей армии, «заражающейся болезнетворными микробами немощи и пьянства от её нездоровых элементов».

Не помогли также требования Манохина представлять конспекты перед политзанятиями ему на утверждение. В конечном итоге наша взяла. Очевидно, понимая, что всё это бумаготворчество в политработе может обернуться против него после какой-нибудь внезапной проверки из политотдела дивизии, нам стали предоставлять служебное время для написания конспектов, на которых мы слово в слово должны были списывать весь материал с учебников. Я и при этом ограничивался только несколькими листками записей.

А повышенное внимание к политработе объяснялось довольно просто – уж очень многонационален был весь состав дивизии, а националистические проявления в Литве, а вместе с ней и в других прибалтийских республиках, как считали политработники, имели устойчивую тенденцию к усилению. И, видимо, не доверяя уже командирам взводов в этом деле и даже осознав всю вредность проведения ими лекционных занятий, в 1971 году ГЛАВПУР переложил это ответственное дело на замполитов частей и отдельных подразделений. За командирами взводов остались только проведения семинарских занятий и самоподготовок. Ибо, как откровенно признавались высокопоставленные политработники, «в молодых лейтенантских головах смешалось уже всё, выдаваемое ими за истину в последней инстанции,- от банальных кухонных сплетен и анекдотов на политическую тему, пропаганды враждебных радиоголосов до материалов очередного съезда партии». Понадобились уже более опытные пропагандисты-воспитатели с не очень отягощёнными бытовыми условиями жизни, чтобы искренне петь осанну партии и правительству «во главе с великим борцом за дело Ленина и мир на планете Леонидом Ильичом Брежневым».

Произошёл у меня также один серьёзный конфликт с Манохиным, когда я впервые столкнулся с обязательной подпиской на такие газеты, как: «Красная Звезда», «Советский воин», окружную, кажется, под названием «Часовой Балтики», а также на журнал Старшина – сержант». Возмутились такой принудительной не только молодые офицеры, но и в первую очередь солдаты, когда из их и так мизерного солдатского денежного довольствия в размере 3 рублей 80 копеек в месяц удерживались значительные для них суммы на коллективную подписку. Лишая их тем самым многих буфетных сладких и курительных наслаждений. В каждой ленинской комнате дивизии лежали горы этих нераспечатанных изданий, годных разве что в большом избытке на туалетные и обёрточные нужды развёрнутых полков и дивизий

или ремонты квартир в сталинских московских высотках. На одном из общих собраний батареи я задал вопрос Манохину, возмущаясь откровенными поборами командования для поддержки и самоокупаемости не пользовавшихся популярностью у военнослужащих изданий. Солдаты меня поддержали. В присутствии своих подчинённых я никакого ответа не получил, но после собрания был вызван на ковёр, и пришлось опять выслушивать поток матерной брани в свой адрес такого содержания: «Ты, долбоёб роттердамский, пока что числишься советским человеком, получившим советское воспитание и образование, и все твои подчинённые недоумки тоже. Ходите по советской земле и едите вы все советский хлеб. И спите на советских кроватях. Поэтому вы все обязаны читать советские газеты и журналы. Другого вам не дано и на луну вы улететь не можете. Чей хлеб жуёшь – тому и поёшь. А будешь лезть на рожон – будешь довольствоваться рукописными порнороманами на зоне, которая по тебе давно плачет».

Ничего нового для себя я и на этот раз не услышал. А отвечать дерзостью на оскорбления было не в моих правилах и опасно – ведь мне могли в любой момент пришить антисоветчину с далеко идущими последствиями. Надо было терпеть, прикинувшись шлангом, ибо я ещё надеялся на своего рода чудо, которое позволит мне либо уволиться из армии, либо приобрести хоть какой-нибудь в ней вес.

Но надо сказать, что воспитательная работа со мной наравне с другими военнослужащими проводилась неизменно с криком, угрозами, бранью. При этом весь штаб полка в течение какого-то времени не мог нормально функционировать из-за повышенной шумности из замполитовского кабинета. И все офицеры – штабисты с вероятностью в три четвертых догадывались, что у замполита проводится очередная воспитательная работа либо со мной, либо с Верцинским из-за его очередной пьянки как с самыми упёртыми в вопросах дисциплины офицерами. К тому же Володе Верцинскому доставалось и по партийной линии – ведь он ещё в училище стал коммунистом. Однако же никто его не исключал из партии и, насколько мне известно, у него даже не было серьёзных партийных взысканий. Нельзя было его наказывать очень строго – ведь он являлся единственным претендентом на повышение. Не ставить же безответственного сержанта старшим офицером батареи. В то время, когда я открыто говорил, что готов в полку служить хоть номером расчёта, лишь бы дожидаться через три года дембеля. Но всё же поведение Володи часто служило предметом обсуждения на каком-нибудь очередном собрании офицеров полка. Ведь он ежедневно до обеда долго не мог отойти от вчерашней пьянки. А в обед, найдя немного денег, опохмелившись, уже лучше соображал и с весёлым отношением к делу работал. В ужин опять напивался какого-нибудь «джемергеса» (молочного цвета самогона по 1 рублю за пол-литровую бутылку, купленного у местных жителей), часто на несколько дней выпадая в осадок. Спасала его природная смекалка, наблюдательность, умение ладить с людьми и пустить, когда надо,

пыль в глаза начальству.

На эту тему мне запомнилось одно совещание у командира дивизиона подполковника Дищенко. Речь зашла о том, что взвод управления батареи под командованием лейтенанта Верцинского по итогам социалистического соревнования за 1967 год, заканчивавшийся в конце октября, уже третий год является отличным подразделением и его командиру положен орден «Красной звезды». На что Дищенко ответил так: «Да, действительно, товарищ Верцинский, ваш взвод добился отличных результатов за прошедшие два года. Но сами вы не являетесь отличником боевой и политической подготовки, о чём вам очень хорошо известно. Поэтому ни о каком ордене и даже медали и разговора быть не может».

Взвод управления дивизиона укомплектовывался всегда лучшими солдатами и сержантами, поэтому нет ничего удивительного в том, что он являлся лучшим и в кадрированном полку. Ибо был в нём единственным взводом управления.

Разбирать же на комсомольских собраниях солдатами поступки офицеров-комсомольцев, нарушавших дисциплину, в армии было не принято. Чтобы не портить авторитет их непосредственных командиров. Поэтому нам обоим доставалось испытанным фронтовым сотрясанием воздуха: Володе – за систематические пьянки, мне – за политзанятия, упущения по службе и за пьянки тоже. Ведь Великую Отечественную мы выиграла и благодаря мату. А по-другому нас никак нельзя было наказать. И если на фронте угрозы нет-нет, да и становились реальностью, то в наше время примеров расстрела кого-либо, уголовного преследования, разжалования, снятия с должности или даже штрафов за ненадлежащее исполнение служебных обязанностей не было. Вся советская система только-только вступила на путь, когда, по словам Ницше, «мир стал возвращаться не вокруг нового шума, а вокруг нового смысла». И люди, по словам Чехова, «начали по капле выдавливать из себя раба». Пусть хоть и с помощью алкоголя и через пень колоду выполнением своих служебных обязанностей, но, как говорится, лиха беда начало. Сознание людей изменилось и высокому начальству приходилось с этим считаться.

Пришлось смириться и с подпиской на газеты и журналы и даже с тем, что когда я во время выборов в местные советы и суды приходил в середине дня на выборный участок. Чтобы в очередной раз, как я всегда это делал на гражданке и в училище, перечеркнуть в бюллетенях все фамилии кандидатов и нарисовать на страницах какие-нибудь смешные рожи. Но, узнав, что за меня политработники уже опустили бюллетени в урну с полным одобрением всех кандидатов для досрочного рапорта наверх о «единодушном выражении полной поддержки партии и правительству», бранился и топал ногами. Но, видимо, недостаточно убедительно, ибо всегда безнадежно опаздывая на столь ответственные «народные волеизъявления», для чего участки голосования формально считались открытыми до позднего вечера, лишался удовольствия выразить свой протест против самой

обыкновенной халтуры. При которой каждый политработник считал за честь показать «высокую сознательность своих подчинённых сержантов и солдат», лишая их законных одного или двух часов утреннего сна в день выборов. И за всех «опоздавших» вбрасывая бюллетени в урны для голосования. Формальность, она и в Африке формальность, а иметь своё мнение в самой передовой стране социализма считалось, мог иметь только сумасшедший. Я жаловался Манохину и Гончарову, приводя им анекдот про сотворение Мира Богом и про «самые первые демократические выборы на земле», «когда Бог создал человека, назвал его Адамом. Потом взял у него ребро и создал из него женщину, сказав при этом Адаму: «Вот тебе женщина. Выбирай себе жену!». Какие ж это выборы без выбора, если после них все как один кандидаты в суды и местные органы самоуправления проходят без сучка и задоринки? Это не выборы, а фарс с простым назначением на высокие, выгодные во всех отношениях должности. В ответ слышал избитые фразы, что ты можешь вычеркнуть любую кандидатуру из бюллетеня (а что это изменит, если нет альтернативного кандидата?), о единстве партии и народа. И, если партия кого-то рекомендует на высокий пост в стране, то имеет на то все основания, и мы все должны уважать мнение самой передовой в мире Коммунистической партии Советского Союза.

Политические анекдоты в то время уже не преследовались, как при жизни Сталина, и однажды в Доме офицеров, когда на одной из вечеринок я в кругу своих сослуживцев слишком расслабился. Когда все за столом уже созрели до рассказов анекдотов и смешных случаев из жизни, я рассказал один пошлый анекдот, после которого мне вежливо предложили покинуть застолье.

Анекдот назывался «Ходоки у Ленина»: «Когда ходоки, наконец, добрались до Москвы и даже пробились в приёмную к Ленину, им пришлось долго ждать вызова. А когда вошли в кабинет сразу же увидели невысокого роста лысого человека с бородкой и тут же услышали:

«Здьявствуйте, здьявствуйте, доогие тоаищи. Пъёходите. Очень яд, очень яд. Вы ебочие?». Ходоки молчат с открытыми от восхищения ртами - ведь сам Ленин перед ними. «Къестьяне? А, кулаки! Феликс Эдмундович, ястьеляйте товаищей!»

После этого анекдота за столом воцарилась молчаливая пауза. Кто-то всё же тихо захохотал, и командир полка полковник Родин первым нарушил эту вдруг возникшую паузу:

«Верцинский (он ещё не успел набраться), заведи своего друга и отвези его в гостиницу на моей машине. Смотри только, чтобы он где-нибудь не выпал по дороге».

С тех пор меня перестали приглашать на совместные офицерские застолья. По-моему и Верцинского тоже за какую-то другую провинность, связанную с поступком по пьяни.

Несколько слов о командире полка, фронтовике, полковнике Родине. Знаю его как тактичного и рассудительного командира, всегда подтянутого,

стройного, спокойного и выдержанного в любых ситуациях. Ни разу не слышал, чтобы он на кого-нибудь из своих подчинённых повысил голос или ругал кого-нибудь матом. Видимо поэтому он и не хватал особых звёзд у начальства, ибо к тому же, обладая чувством собственного достоинства, никому не льстил и не перед кем не пресмыкался. Часто беседовал с молодыми офицерами, вникал в их проблемы. Но что он мог сделать для улучшения их жизни? Ровным счётом ничего. В отставку он ушёл раньше положенного срока и «по болезни», хотя я уверен, что его «ушли» для выдвижения более покладистого для начальства командира ракетного дивизиона подполковника Небольсина. Со мной Родин, как и с другими молодыми лейтенантами, часто беседовал, и у меня никогда при этих беседах не возникало желания, как с Манохиным и Гончаровым, вступать с ним в полемику по вопросам внутренней и внешней политики. Я был уверен, что в любом случае дискуссия не получится, ибо считал, что он выше всей этой болтовни. Очень жаль было, когда Родин прощался с полком. Ведь такие офицеры – большая редкость в армии.

Не вступал я в полемику и с Вестерманом. Но в этом случае уже по другой причине – я знал, что никакого удовольствия от дискуссии с ним, довольно хитрым и насмешливым политработником, я не получу. Хотя и ему иногда показывал свой характер, отказываясь демонстративно отвечать на какой-нибудь лёгкий вопрос на политзанятиях, типа о «значении Великой Октябрьской Социалистической Революции для всего мира».

Тем самым я хотел демонстративно показать именно ему, что не согласен с самой постановкой вопроса и на этот счёт имею своё мнение, далёкое от официальной точки зрения. Не вступал я в дискуссию с Манохиным, когда рядом с ним в кабинете находился Вестерман. Ибо знал наперёд, что беседа будет проходить не по моему плану, и все мои аргументы о преимуществах капитализма над социализмом будут выглядеть довольно глупо. Вообще, Вестермана я довольно редко видел на службе. Или по причине того, что он где-то учился заочно или потому, что выполнял постоянно какие-то поручения командования. Не знаю. К моему счастью, моими воспитателями все два года службы в Вильнюсе были Манохин и Гончаров, с которыми всегда было приятно вести дискуссии на политические темы. Несмотря даже на крик и мат в первые минуты «дискуссии».

После обострения обстановки на границе с Китаем в 1969 году, когда второй штат дивизии был направлен на Дальний Восток, в качестве замполита арtpолка поехал почему-то Манохин. Хотя именно Вестерман числился в полку по второму штату и к тому же был намного моложе Манохина, которому в то время было уже около 50 лет. Ему, бедному, после приезда в дремучую тайгу пришлось тут же писать рапорт об увольнении из армии по возрасту и выслуге лет.

Политработа ставилась во главу угла и любой, даже малейший случай нарушения дисциплины или распорядка дня тут же пресекался на корню вызовом нарушителя замполитовского спокойствия на ковёр. На

котором Манохин, Вестерман и Гончаров вместе или порознь в течение нескольких часов промывали мозги пьянице или прогульщику или спустя рукава подготовившемуся к политзанятиям офицеру. Вынуждая того в конце концов к покаянию скорее измором, чем логикой убеждения. Да так, что тому надолго хватало такой подзарядки. Тем не менее вопреки всему у меня с Гончаровым сложились очень даже доверительные отношения. Да ещё такие, что он иногда просил меня сделать ему набросок его очередной речи на предстоящем выступлении где-нибудь на собрании к какой-нибудь годовщине или юбилею. Я никогда не отказывался, ибо уважал этого офицера, фронтовика. К тому же мне импонировало, что он каждый день находился слегка под мухой. Здесь никакого нарушения воинского этикета не было, ибо по заведённой традиции считалось, что «артиллерийский офицер должен быть всегда гладко выбрит и слегка пьян». Это его, фронтовика, ежедневное состояние навеселе являлось обыденным и никогда не служило, насколько мне известно, предметом разбирательства или критики у начальства. Правда, иногда на очередном вызове на ковёр мне его приходилось видеть в кабинете Манохина в совсем невменяемом состоянии, что приводило меня в восхищение и к ещё большему уважению его фронтовых заслуг. Зная моё нежелание служить в армии и мою философию на эту тему, вернее, моё объяснение безысходности в деле увольнения из армии, он сам часто заводил со мной разговор по тому или иному вопросу, очевидно для того, чтобы разрешить какие-то свои глубинные сомнения всегда пьяной души. При этом наш разговор неизменно перерастал с моей стороны в критику существующих порядков. А Гончаров защищал установившиеся порядки в армии и в стране в целом. При этом он внимательно всегда меня выслушивал, возражая на все мои аргументы не логикой доказательств, а установившимися ещё с 1917 года схоластическими фактами о преимуществах социализма над капитализмом. Добавляя при этом, что все недостатки в жизни нашей страны временные и обусловлены недавно окончившейся Великой Отечественной войной, самой разрушительной во всей истории человечества. Что партия разберётся и наведёт в скором времени порядок в стране и т.д. Я возражал, приводя примеры других стран, так же, как и Советский Союз участвовавших во 2-й Мировой войне, лишившихся в результате её почти всей своей промышленности, но быстро оправившихся после войны. Приводил пример Японии, пострадавшей к тому же от атомных бомбардировок, и тем не менее успешно преодолевающей послевоенную разруху, ФРГ и другие страны, быстро поднявшие свои экономики. В ответ слышал: а ты бывал в этих странах, что так уверенно говоришь о них? и знаешь ли, что всё это благополучие основано на нещадной эксплуатации рабочих и крестьян правящей в капиталистических странах буржуазией?

А на мой ответ: а вы видели воочию эту нещадную эксплуатацию, при которой нет никаких революций и гражданских войн, – следовало выразительное молчание. Приводил я и аргумент, вычитанный мной в

журнале «Америка», что Великую Отечественную войну наша страна выиграла в том числе и благодаря помощи США в 10 с половиной миллиардов долларов в виде поставок в СССР продовольствия, военной и автомобильной техники, промышленного оборудования и др., что для 40-х годов являлось огромной суммой, которую до сих пор отказываемся выплачивать. Ведь вся промышленность СССР была размещена в её европейской части, попавшей в первые же месяцы войны под оккупацию немцев. И если б не помощь со стороны США, мы бы не смогли справиться с немцами. К тому же американцы с союзниками в июне 1944 года открыли 2-ой фронт в Европе. Что заставило немцев ослабить свой Восточный фронт и помогло Советскому Союзу в конечном итоге одержать победу. Часто наши беседы растягивались на часы и офицеры батареи, зная, что я на беседе у Гончарова, никак не могли дожидаться меня перед уходом на обед или ужин, чтобы поручить опять какое-нибудь задание, ниспосланное свыше. Иногда мы спорили до хрипоты и всегда расставались друзьями. При этом Гончаров, как мне казалось, всегда уходил озабоченным моими откровениями.

Я воспитывался в интеллигентной семье и под ежедневным воздействием взглядов моей сестры Эльвины, преподавательницы английского языка в школе и обладавшей критическим взглядом на окружающую всех нас жизнь. Сестра научила меня самостоятельно мыслить, и ни в коем случае не верить слепо всему, что преподносилось в средствах массовой информации. Мои взгляды так же, как я уже писал, формировались в результате общения с друзьями, самой яркой фигурой из которых являлся Александр Иванов, на два года старше меня, отец которого погиб на фронте. К тому же Саня ещё в школе освоил в совершенстве немецкий язык, затем закончил Московский иняз и работал переводчиком в туристическом агентстве «Спутник» на Ленинском проспекте. С различными делегациями разъезжал по капстранам и затем делился с нами впечатлениями обо всём увиденном. Разъезжал он и по российским глубинкам и делал потом сравнения не в пользу социализма. Мои взгляды также формировались в результате общения со своими сверстниками – соседями по дому-коммуналке моего детства № 18 в переулке Хользунова, в котором жили дети многих генералов и старших офицеров, усваивавших в домашней обстановке из разговоров родителей легко всё то, что противоречило официальной пропаганде. Так я ещё со школьной скамьи своими вопросами мог озадачить любого преподавателя обществоведения или истории в школе, за что на выпускных экзаменах был удостоен только удовлетворительной оценки по этим дисциплинам. Зато в военном училище в окружении своих товарищей из провинции мог блеснуть какими-нибудь оригинальными мыслями, не выходящими, правда, за рамки дозволенного, и получить за этот блестящий ответ по какой-нибудь гуманитарной дисциплине твёрдую пятёрку. Хотя часто приходилось при этом кривить душой и говорить совершенно противоположное своим сформировавшимся уже взглядам. Но надо отдать должное, что патриотизма

и гордости за свою страну, её великую историю, у меня до армии было в избытке, что всегда воплощалось в сочинениях на уроках литературы в школе на свободные темы. Учительница литературы Нина Ивановна Цветкова всегда приводила их в пример для учеников класса. Я искренне радовался победе социалистической революции на Кубе в 50-х – 60-х годах, победе народов Индокитая в войне с американцами и их союзниками. Радовался первому полёту именно русского по национальности Гагарина в космос. Не то, чтобы презирал разоблачённого шпиона Пеньковского, предавшего страну и выдавшего ЦРУ наши секреты. Нет. Я испытывал простое любопытство к делу о его шпионаже, ибо хотел понять этого человека, почему он предал свою великую страну, чтобы получить ответ на все свои вопросы и сомнения в душе, которые по мере продвижения к окончанию школы только усиливались. Я не мог никак понять, почему в СССР, основой которого является Россия, российские люди в ней живут хуже, чем на окраинах, в том числе и в той же Прибалтике? Почему существуют компартии союзных республик, а российской, т.е. РСФСР нет? Почему везде пишется и говорится только о руководителях союзных республик, а в России мы понятия не имеем, кто у нас является главой нашей Республики с его республиканскими министрами? Почему в песках Средней Азии строятся промышленные гиганты, заводы и фабрики. В том числе и деревоперерабатывающие комбинаты. Чтобы затем из России везти на них сырьё и ценнейшие породы древесины, как из сырьевого придатка для этих полуфеодальных азиатских республик. И только для того, чтобы покупать сделанный из этой древесины в этих республиках, никому не нужный хлам, и везти его опять в Россию? Не выгоднее ли строить такие комбинаты в Сибири или на Дальнем Востоке, у источников сырья или, наконец, в Подмоскovie? А в Средней Азии вместо них строить хлопкоперерабатывающие предприятия, вместо нечернозёмной полосы России?

Почему всё Семиреченское казачество и три четверти Казахстана с 90-процентным русским и русско-язычным населением после революции и решения Ленина вдруг оказалось на территории Казахстана и Киргизии? Почему некогда принадлежавший Крым вдруг в одночасье стал украинским, а сама Украина из Малороссии до революции превратилась в союзную республику? А полуостров Мангышлак после революции с центром Форт Шевченко несколько раз окрашивался в разные национальные цвета на географических картах по принадлежности: от российского и казахского, до туркменского при Хрущёве и опять до казахского. Как при игре в преферанс кого-то на самом верху, когда ставки уже пошли не на деньги, а на территории исконно русских земель.

Почему нам везде говорят об эксплуатации рабочих и крестьян в капиталистических странах? И не замечают её в нашей стране военно-промышленным комплексом, когда 90 копеек с заработанного людьми рубля идёт на развитие гонки вооружения и другие статьи, не влияющие на

улучшение жизни населения? При этом ежегодно в газетах печатается смехотворно маленький бюджет на оборону, явно ничего не имеющий общего с действительным? Почему 90 процентов здоровых людей у нас работают в сфере производства и в др. отраслях, обслуживающих это производство, и только 10 в сфере обслуживания и услуг населения, а не наоборот, как на Западе? Не служит ли это свидетельством неэффективности нашей экономики и земледелия?

Почему любые катастрофы самолётов и поездов с большими человеческими жертвами у нас в стране сразу же засекречиваются, и в печати о них сообщается только несколькими словами с шаблонным заключением «назначена правительственная комиссия по расследованию причин катастрофы»?

Почему у нас такая жёсткая цензура, из-за которой многие наши талантливые писатели и другие деятели культуры вынуждены эмигрировать из страны на Запад?

Почему зарплата у профессора-кардиолога, спасающего жизни людей на операционном столе почти такая же, как и у уборщицы этой же самой операционной?

И таких «почему» у меня становилось всё больше и больше, превратившись в скором времени в некое подобие снежного кома, из-за которого я с холодцом стал воспринимать всю советскую действительность. То есть, оставаясь патриотом России и всего русского, - я с детства воспитывался в русской семье (отец умер, когда мне было 12 лет), - в моих взглядах сформировалась некая двойственность с жадной поимкой ответов на все эти «почему». И с этой целью приходилось прибегать к помощи самиздатовской литературы. Прослушивания «вражеских голосов» и охоте за популярными в то время в Москве номерами журнала «Америка», в которых показывалась жизнь простых американцев, не вписывавшаяся в официальные утверждения средств массовой информации у нас в стране.

Мои откровенные высказывания в Вильнюсе не всем нравились, и некоторые офицеры в ответ на какую-нибудь реплику своего подчинённого в духе моих взглядов тут же осаждали строптивца: «Что ты уже стал рассуждать, как Жемайтис». Мне это импонировало, ибо я понимал, что мои усилия не пропадают даром, а, главное, люди начинают задумываться и сомневаться в окружающей их действительности. Ведь гораздо легче выполнять беспрекословно приказы, чем осмысливать их, находить более удобный путь к их осуществлению, и подсказывать отдавшему приказ более правильное решение для их выполнения. Не знаю, был ли я на каком-нибудь учёте в особом отделе дивизии. Во всяком случае, мне это неизвестно. По крайней мере, в Вильнюсе. Про службу в Чехословакии я не могу так утверждать, потому что пришлось познакомиться с чиновниками из этого ведомства из-за своих правых взглядов. За что и был раньше времени отправлен в Союз (вместо положенных 5, я прослужил в ЦГВ 4 года). В Вильнюсе же я даже не знал, кто возглавляет особый отдел соединения. Хотя как-то видел в

«Победе» одного полковника со звездой Героя Советского Союза на груди, и мне сказали, что он и является начальником особого отдела дивизии.

Почти вся политработа в полку сводилась к напоминаниям мощи СССР на международной арене, неуклонному росту производительности труда в его экономике, авторитету страны у всех угнетённых народов планеты, победам в космосе, самым совершенным ракетам, держащим в страхе всех империалистов Земли и т.д. Постоянно напоминалось, что наша страна с союзниками из Восточной Европы со всех сторон окружена такими агрессивными военными блоками стран во главе с США, как: НАТО, СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС и т.д. Руководство которых спит и видит, как бы так напасть на СССР, чтобы не в пример Гитлеру одержать верх над нами. Вспоминается один старый армейский анекдот на эту тему. «У армянского радио спросили: Наполеон объявил войну и напал на Россию – еле ноги унёс; Гитлер не объявлял войну и напал на СССР, в результате в берлинском бункере покончил жизнь самоубийством; как победить Россию? Ответ: надо объявить войну ей и не нападать – русские сами замучат себя повышением боеготовности».

При этом неизменно приводились примеры из Великой Отечественной войны, случаи самопожертвования ради Победы. А стоило только кому-нибудь заикнуться о плохих бытовых условиях в домах или в общежитиях. Или об отсутствии крыши над головой у кого-нибудь из семейных офицеров – тут же фронтовики Манохин или Гончаров спускались на землю и начинали приводить примеры из своей фронтовой или послевоенной службы, когда они не имели даже кровати в общежитии. Рассказывали, как они с женой и детьми долгие месяцы спали по очереди на скамейках вокзалов, а из одежды имели только две пары армейских сапог, да одну фуфайку с брюками. И ведь были счастливы!

На жалобы комсорга по поводу нерегулярной уплаты кем-нибудь из офицеров комсомольских взносов Манохин ту же приводил пример из своей фронтовой жизни (на фронте он был ранен в руку и часто напоминал нам о своём ранении). Сидит он как-то в окопе под нескончаемым артобстрелом. А время уже приближалось к уплате членских взносов. И вот чтобы успеть к назначенному времени и вовремя отдать эти жалкие копейки, он где ползком, где перебежками, под грохот фугасов и градом разлетающихся осколков пробирался целых полкилометра до своего комсорга; который несмотря на весь его замызганный вид сделал ему ещё замечание за то, что он опоздал на несколько минут.

Этот рассказ чем-то напоминал прочитанное мной пояснение из северокорейского журнала «Корея» к их «классической опере – кладезя мировой культуры», как писалось в журнале, под названием «Море крови». Либретто которого было простым, как пареная репа. В нём рассказывалось, как одна северокорейская девушка в деревне в разгар войны с американцами в начале 50-х годов. Озабоченная тем, что великий вождь и полководец всех времён и народов лучезарный Ким-Ирсен, возможно не ел уже несколько

часов, находясь в окопе переднего края в смертельной схватке со сволочами-американцами, решила принести ему горшочек супа для придания новых сил в борьбе с империалистическими хищниками. И вот она, поставив этот горшочек с едой себе на голову, взяв в руки по пистолету, долго пробирается к переднему краю, отстреливаясь от наседавших на неё многочисленных американских солдат и их южнокорейских наймитов, при этом распевая песни о будущем счастье под руководством северокорейского лидера. И вскоре все встретившиеся на её пути преграды остались позади. И она увидела солнцеподобного Ким-Ирсена, который одарил её ослепительной улыбкой, приняв с благодарностью горшочек с супом и поинтересовавшись её здоровьем».

А на избитый вопрос какого-нибудь лейтенанта, почему нельзя уволиться из армии по собственному желанию, следовал тут же шаблонный ответ, что вы по собственному желанию поступали в военное училище. А вот нас в довоенное время даже никто не спрашивал. Просто вызывали в военкоматы, вручали предписания явиться такого-то числа в такое-то военное училище для обучения офицерской специальности и ни слова больше. Попробуй возразить в конце 30-х годов! И все мы сейчас благодарны судьбе, что именно так всё с нами и случилось. Поэтому, как говорится, «взялся за гуж – не говори, что не дюж».

Бытовые условия для солдат были вполне приемлемыми. Их регулярно раз в неделю мыли в бане, меняли бельё, кормили и одевали за государственный счёт. Почта работала для них бесплатно. И такое отношение могло только сниться молодым лейтенантам, предоставленным самим себе. Проблемы с жильём, помывкой в бане, проблемы с питанием – всё это способствовало минорному настроению и в большой степени влияло на службу. Как командир взвода, я тогда получал на руки где-то 160 рублей в месяц. Но военоторговская столовая с её завышенными ценами на все блюда, обчётами официантками сжигала значительную часть холостяцкого месячного бюджета, ибо только одно посещение её без заказа каких-либо излишеств обходилось около 1 рубля вне зависимости от аппетита заказывающего. Днём выручали городские столовые с более умеренными ценами. Но в них нужно было выстоять очередь, да и по утрам и вечерам они не работали. Тем не менее денег на рестораны и даже на ночной бар в «Дайнаве» хватало. Даже на 10 рублей вдвоём можно было хорошо посидеть в каком-нибудь ресторане или кафе. Запомнились также и кафе, что находились возле военного городка. Это кафе «Агуона» с её симпатичными официантками Кристиной, Региной и Рутой на улице Генерала Жемайтиса и «Вильтис», что также находилось рядом с военным городком возле базарной толкучки, на которой можно было всё купить и всё продать. Чем пользовались многие офицеры из общежития, добывая деньги на выпивку, продавая военные предметы одежды своих друзей по ночлежке без их на то согласия. В этих кафе тоже приходилось иногда обедать или ужинать, запивая блюда сравнительно недорогим, но очень вкусным литовским,

натуральным вином, яблочным или брусничным, или крепким тёмным пивом «Портер» или «Биржайское». Можно было позволить себе и 100 грамм водки «Дар по вено» («Ещё по одной»). В то время, когда по распоряжению Снечкуса во всех продовольственных магазинах были изъяты из продажи водка и коньяк в целях пресловутой «борьбы с алкоголизмом».

Выручали к тому же частые наряды с казённым бесплатным питанием, что также служило хорошим подспорьем в экономии средств. Ночлежка, т.е. гостиница, обходилась где-то в 8 – 9 рублей в месяц. Комсомольские взносы в 5 рублей. И всё же, по моим подсчётам, если б я не пошёл в военное училище, а, отслужив армию, вернулся в Москву и работал бы на Шёлкоотделочной фабрике им. Свердлова. Где я проходил практику в электроцехе, и был на хорошем счету у своего мастера Юрия Васильевича Борисова. Учась до училища в средней школе 11-летке с производственным обучением, то получал бы через несколько месяцев после окончания школы по своей приобретённой уже специальности электрослесаря 120 – 130 рублей в месяц, вытачивая напильником контакты и щётки. При этом сам бы из покупаемых продуктов готовил себе еду, если б даже мама по каким-то причинам не могла бы мне в этом помогать. Уходило бы где-то 1 рубль в день на питание. А не 3 , как в военторговской столовой. Хватало бы времени и на учёбу, о которой я вскоре очень соскучился. Правда, в армии предметы военной формы одежды я получал бесплатно, что должно было являться существенным подспорьем для экономии личных денег. Но это только на первый взгляд. Ибо, например, выдаваемых хромовых сапог хватало только на 3 - 4 месяца, в то время, когда они выдавались на два года. То же можно сказать и про китель, брюки, шинель, фуражку и т.д. Все они быстро изнашивались (особенно повседневные шинели, выдаваемые на 4 года и носившиеся также на занятиях в поле). Всё это нужно было периодически покупать у сверхсрочников и потом у прапорщиков со складов и отнюдь не по государственным ценам, значительно дороже, ибо их нигде в продаже не было. Приходилось также, если учесть, что в офицерских общежитиях процветало воровство не только денег, но и предметов военной одежды, всё периодически восстанавливать за свой счёт.

В армии в то время даже ходил один анекдот про военторг. Всё слово расшифровывалось как «Военная Организация Евреев, Научившихся Творчески Обманывать Русских Граждан». Каждый год придумывались всё новые и новые поборы с офицеров, будь то за проживание в общежитии, за питание в офицерской столовой, за подписку газет и журналов, за подарок какому-нибудь юбиляру или в качестве кому-нибудь вспомогательной помощи в связи с вдруг свалившимся несчастьем и т.д. Причём, такое же внимание со стороны коллектива почему-то не распространялось на молодых офицеров, с полочки которых регулярно изымались денежные средства бог знает на что. И у которых не было солидных юбилеев или кончин их молодых ещё родителей. Естественно, что командиры взводов и не приглашались на юбилейные торжества и банкеты.

Где-то до середины 60-х годов во многих гарнизонах армии молодым лейтенантам разрешалось становиться на довольствие в солдатских столовых с ежемесячным удержанием с их денежного содержания чуть более 30 рублей из расчёта 1 рубля 03 копейки в день по солдатской норме. Хоть и приходилось питаться, в основном, одними кашами, но всё же это было экономно и выгодно. Но потом кто-то из высшего руководства армии, видимо, посчитал, что такая побряжка для молодёжи слишком накладна для интересов военторга и армии в целом и отменил эту «привилегию» для холостяков. Солдатские столовые, за исключением офицеров в наряде, стали недоступны. Это официально. А на самом деле в этих столовых, продскладах и подсобных хозяйствах творилось чёрт знает что. Многие офицеры и сверхсрочники, а позднее прапорщики, пользуясь своим служебным положением, частенько паслись в них, как в своём родовом хозяйстве, что иногда служило предметом разбирательства на совещаниях и партсобраниях. Ибо уже родители солдат на свиданиях при виде своих скелетоподобных чад-вешелок, осмелев в годы перестройки, стали отправлять жалобы в Москву на самый верх с приложением фотографий своих сыновей с голыми бухенвальдскими торсами. Что в конце концов перед развалом страны и армии приводило к проверкам, по которым стали приниматься жёсткие решения с оргвыводами, а точнее с повальными понижениями и увольнениями из армии должностных лиц. И с последующим улучшением питания в солдатских столовых.

Каждый год весь наш немногочисленный полк выезжал эшелонами с техникой на Добровольческий полигон Калининградской области в марте на один месяц. Помню, что погода там в это время всегда стояла очень скверная. Постоянно дул сильный ветер и временами шёл дождь со снегом. На проводившихся учениях по несколько суток подряд без сна и отдыха наши шинели днём промокали насквозь, а ночью покрывались коркой льда на ветру. На полигоне мы отрабатывали навыки в ведении огня с закрытых огневых позиций. Все офицеры-артиллеристы, а также сержанты получали оценки за стрельбу боевыми снарядами. Эти оценки имели силу до следующих, летних стрельб, и служили критерием профпригодности всех артиллеристов. Было очень обидно, если кто-нибудь из-за самой пустяковой ошибки запарывал стрельбу и получал «неуд». Артиллерийско-стрелковая подготовка и управление огнём относились, естественно, к категории основных дисциплин наравне с политподготовкой, огневой подготовкой из стрелкового оружия, строевой подготовкой, защитой от оружия массового поражения и тактической подготовкой. Вместе с матчастью артиллерийско-стрелковая подготовка и огневая служба составляла предмет «спецподготовка» для артиллеристов, и свои спецдисциплины имели все другие специалисты в артиллерии, к каковым относились связисты, водители, врачи, топографы, химики и т.д.

Отлично помню свою первую стрельбу на Добровольческом полигоне штатными, 122-мм гаубичными снарядами. Выполнял я тогда в

марте 1967 года 4-ю задачу (по наблюдению знаков разрывов) и моими наставниками были майор Скоробогатько и капитан Алымов. С их помощью я тогда получил свою первую оценку за стрельбу – «хорошо». Помню ощущение небывалого подъёма, радости после стрельбы, сознавая, что и я могу наравне со всеми, оказывается, выполнять боевые задачи. Тогда подполковник Либерман посоветовал мне оставить на память бланк с записью своей первой стрельбы. К сожалению, я к его совету тогда не прислушался.

Летом, тоже на один месяц мы выезжали на морской полигон в Аэгвйду Эстонии на морские стрельбы. Нашему полку в военное время также поручалась охрана морского побережья от высадок десантов противника. На каменистом морском берегу мы отрабатывали стрельбу №8 Курса стрельб по движущимся морским целям. Буксир тянул мишень и мы с расстояния 6 – 7 километров должны были залпами накрыть её инертными снарядами, наблюдая знаки разрывов по всплескам воды».

После каждой стрельбы шёл разбор. Иногда, если начальство присутствовало на разборе не слишком высокое, спорили, шумели до хрипоты и до изнеможения, приводили выдержки из «Правил стрельбы», «Курса стрельб», если задача удалась, и вопрос стоял о положительной оценке. Если стрельба не удалась, то она обсуждалась почти всегда молча, потому что и так всё ясно и наглядно – цель не поражена, снаряды израсходованы впустую. Правда, в этом случае можно было ещё свалить вину на обслуживающую стрельбу нештатную батарею, а также на разведчиков и связистов, допустивших ошибки. И, если стрельба не получилась не по вине стрелявшего, то в этом случае офицер повторно выполнял задачу. Но если обслуживание шло своими родными подчинёнными, за обучение которых сам стреляющий нёс ответственность, то валить вину, кроме как на самого себя, было уже не на кого.

Я понемногу стал втягиваться и входить во вкус своей новой для меня военной специальности, азы которой худо-бедно освоил ещё на ЦАОКе. Стал самостоятельно читать литературу по теории стрельбы, тактике, огневой службе, артиллерийской разведке. Моими любимыми задачами со временем стали полная подготовка данных для стрельбы в горах и на равнине, а также с большим смещением, когда угол между направлением на цель и плоскостью стрельбы превышала 5-00 в делениях угломера. Эти задачи считались самыми сложными в артиллерии. В 1984 году на полигоне в Келяте под Ашхабадом мне удалось занять 3-е место в соревнованиях по стрельбе с закрытых огневых позиций между командирами дивизионов. Чем тогда очень гордился.

Много приходилось стрелять и прямой наводкой со штатных гаубиц и их заменителей, 76-мм пушек образца 1942 года. При этом экономии снарядов нас учили своеобразно. Говорили, очевидно, со времён ВОВ, что один 76-мм снаряд соразмерен стоимости пары хромовых сапог. После таких стрельб у меня долго потом стоял звон в ушах и целую неделю плохо

слышал. Хотя при стрельбе мы старались предохранять уши, открывая перед выстрелом рот. Засовывали ватки в ушные раковины, но ничего не помогало – каждый выстрел резко и больно бил по барабанным перепонкам.

Часто приходилось стрелять в защитных комбинезонах и противогазах. В том числе и при стрельбе с закрытой огневой позиции. Надо пояснить, что закрытой огневой позицией считается такое расположение орудий батареи или дивизиона, при котором они закрыты для наблюдения противником.

Во время службы в Вильнюсе я познакомился со многими своими родственниками по линии отца, как проживавших в Вильнюсе, так и в Каунасе. В Каунасе меня всегда очень тепло встречали племянник отца, врач по специальности Аполинарас Суткус с женой Алдоной и их дочерью Марией. А также племянница отца Стефа. Сегодня она в свои 70 лет является ведущей телепрограмм и её знает вся Литва. Я же помню её ещё девушкой, приехавшей к нам в гости в Москву в начале 50-х годов, когда ещё был жив отец. С Марией же я до сих пор переписываюсь. Она, как и её отец, тоже врач по специальности. У неё удачно сложилась жизнь, и она уже собирается стать бабушкой.

Не мог я обойти стороной и своих покровителей, которые помогли мне перевестись служить в Вильнюс и тем самым приобщиться к культуре своих предков по линии отца.

Приведя свой внешний вид немного в порядок после встречи 1967 года, я в один из своих первых выходных дней отправился на улицу Чурлиониса, где в одном из особняков жил Первый секретарь ЦК компартии Литвы Антанас Юозович Снечкус. Я неоднократно встречался с ним то ли в Москве у нас в гостях, то ли в Паланге Литвы на отдыхе в конце 50-х – начале 60-х годов. Помню его простым, добродушным человеком, любившим компании, застолья, хорошие анекдоты. Впервые я его увидел у нас в доме на Хользунова, наверное, где-то в конце 40-х годов, когда отец показывал меня, спящего, своим гостям. Тогда, проснувшись в своей постели я увидел склонившегося ко мне усатого с красным лицом невысокого роста улыбающегося дядю. Что-то пробормотав спросонья, я тут же повернулся на другой бок, но эта встреча почему-то запомнилась мне на всю жизнь. Встречался я с ним, очевидно, и в 1949 году в Паланге, куда, 5-летним мольчуганом, вместе с отцом, матерью и братом Фелей приехал на отдых. Тогда уже мне очень хорошо запомнился Председатель Президиума Верховного Совета Литвы Юстас Палецкис, пригласивший маму на танец где-то среди деревьев, и я стал ревновать её к высокому стройному дяде в красивом костюме. Позднее я познакомился со всеми членами семьи Снечкуса, его женой, симпатичной, умной и рассудительной Мирой Иосифовной, их дочерью Маритой и сыном Владукасом, с которым я даже подружился как-то в Паланге на отдыхе. В нашу компанию тогда входили также сын генерала Ионас Жибуркус и сын Героя Советского Союза полковника Виленскиса, Лёва Виленскис со своей сестрой Лилей, - красивой молодой брюнеткой. В хороших отношениях я также был с остальными

детьми Жибуркусов: Юозасом и его сестрой. Тогда, в начале 60-х годов, мы весело проводили время в Паланге. Мои литовские друзья из уважения ко мне в моём присутствии всегда говорили по-русски.

Хорошо запомнился выезд на охоту на Куршский залив где-то в начале 60-х годов с Антанасом Иосифовичем, его сыном Владукасом и всей ихней свитой. Помню внушительную охрану, деревенский дом и вкуснятину – заливные копчёные угри. Я такого яства больше никогда не пробовал. Первыми, с которыми я встретился в Вильнюсе тогда, в начале 1967 года, была семья Снечкусов. Его жена, Мира Иосифовна, встретила меня очень гостеприимно. В беседе с ней, Владукасом и его сестрой Маритой быстро пролетело время, наступил зимний, поздний вечер и наконец с работы домой пришёл сам Антанас Юозович. Тепло поздоровавшись со мной, он тут же стал меня расспрашивать, как я устроился на новом месте и в каком полку служу. Потом сели за стол. Выпив с ним немного коньяку, он вскоре предложил мне связаться по телефону с мамой в Москве. После беседы с ней мы опять сели за стол и в разговорах очень хорошо провели время. Потом были ещё несколько встреч со Снечкусом и его семьёй, после которых я неизменно возвращался в свою трущобу. На одной из встреч со Снечкусом я познакомился с детьми Председателя Верховного Совета Литвы Мотеюса Юозовича Шумаускаса.

Антанас Юозович на одной из встреч дал мне задание за два месяца изучить литовский язык. А так как я считал себя обязательным человеком и в то же время подневольным, не распоряжающимся в полной мере своим личным временем, то вполне естественно, что мне вскоре было стыдно приходить в гости к Снечкусам, не выполнив их задание по изучению хоть в минимальном объёме языка своих литовских предков. Ведь это для меня было всё равно что требования Манохина писать еженедельно 30-страничные конспекты для занятий с солдатами по политической подготовке. Встречи прекратились.

Оставалась семья Жибуркусов, с которой я поддерживал добрые отношения до конца своей службы в Вильнюсе. Сам генерал Жибуркус ко мне относился всегда очень хорошо. Мы с ним подолгу беседовали на исторические темы и проблемы современности. Я знал о нём, что в начале 1919 года он являлся соратником моего отца в бытность моего бати главарём восставших милиционеров, освободивших город Шяуляй от немецких оккупантов и установивших в нём советскую власть. Радужной хозяйкой по отношению ко мне всегда была жена генерала Цилия Самойловна.

Была ещё одна семья в Вильнюсе, в которой я также чувствовал себя очень хорошо. Это семья бывшего прокурора Литвы Пранцулиса. Хозяин дома тоже являлся соратником отца по Шяуляйскому восстанию 1918-1919 годов и он и его жена, (кажется, Лика) со своими дочерьми Рутой и Леоней всегда относились ко мне доброжелательно и гостеприимно. Как-то у них дома остановилась, приехавшая на 2 дня погостить, чтобы повидать меня, моя мама.

Служба шла своим чередом. Не шатко, не валко, с периодическими вызовами на ковёр Манохиным для очередной промывки мозгов после какого-нибудь очередного политзанятия с солдатами или пьянки с Верцинским. И вполне терпимо, пока моими непосредственными командирами являлись капитан Ширяев как командир батареи, подполковник Дищенко как командир дивизиона (давно махнувший на меня рукой в вопросах воспитания) и полковник Родин как командир полка. Все они лояльно относились ко всем моим чудачествам и просчётам по службе. Зная при этом, что на большее я не способен. Прощалось всё негативное, что было связано со службой из-за моей рассеянности, зрительной забывчивости из-за моей близорукости, что всегда являлось и является большим недостатком в работе любого офицера. Тем более находящегося на командной должности с подчинением ему почти двух десятков человек и отвечающего за вооружение и имущество взвода.

В 1967 году ушёл на повышение Ширяев, став начальником штаба дивизиона вместо майора Скоробогатько. Дищенко с командира дивизиона ушёл на должность заместителя командира полка вместо Сундукова, переведённого на кафедру института. Командиром дивизиона стал майор Мацкявичюс, а командиром батареи капитан Паужолис, прибывший в полк по замене из Группы Советских войск в Германии. И новым командованием, как это обычно бывает, началось усиленное закручивание гаек с попытками избавиться от неудобных офицеров любым путём. Меня всё чаще и чаще стали поднимать на служебных совещаниях, упрекать в нерадивости в делах службы. И мне уже было не до разглагольствований по вопросам ущемления моих прав как гражданина СССР и о преимуществах капитализма над социализмом. Я уже столкнулся с довольно жёстким реагированием на все свои ляпы в работе. А посему пришлось иметь несколько нелिцеприятных бесед с майором Мацкявичюсом. Один из которых приведу здесь почти дословно:

- Вы, Жемайтис, не устраиваете всех нас как командир взвода и воспитатель личного состава и, если вы не примете меры и не измените своего отношения к службе, то мне придётся ходатайствовать о предании вас суду офицерской чести с последующим разжалованием до младшего лейтенанта. Нам в дивизионе «американские наблюдатели» не нужны.
- Да я хоть сейчас сниму по одной звёздочке с погон, а с ещё большей радостью перешёл бы жить в казарму с погонами рядового, чтобы по секундам ждать своего дембеля.
- Вы прекрасно знаете, что никто не может вас поставить в строй рядовым.
- Что вы тогда предлагаете?
- У вас, наверное, от отца остались влиятельные друзья, которые могли бы вам помочь уволиться из армии?
- У меня таких друзей нет.
- Тогда я не знаю, что с вами делать, и буду стараться любыми способами избавиться от вас. Ведь мы не виноваты, что именно вы служите в нашем

дивизионе.

Служил бы я где-нибудь на периферии, или в развёрнутом дивизионе, я бы ничем не отличался от других лейтенантов-командиров взводов и мне бы никто не говорил такие слова. Потому что у одного командира дивизиона и одного командира батареи я был бы равным среди равных. В батарее я был бы один из трёх командиров взводов. В дивизионе – из одиннадцати. А в полку – из 40. Здесь же на виду у большого количества офицеров, озабоченных своим благополучием, когда им всем вместе или порознь приходилось иметь дело со мной, было над чем призадуматься. Нас и было-то всего три командира взвода, непосредственно работавших с солдатами, на несколько десятков офицеров-начальников, если не считать батарею обслуживания, которая являлась чисто технической и не могла влиять на боевую готовность полка так, как наша единственная развёрнутая. К тому же и Паужолис с первых же своих шагов не стал скрывать своего отрицательного отношения ко мне и не столько из-за моей безалаберности в вопросах службы. Его ещё стали раздражать мои откровенные высказывания, влиявшие на мировоззрение солдат всей батареи. Он уже при всех не скрывал своего негативного ко мне отношения, называя меня «московским барчуком, которого на пушечный выстрел нельзя подпускать к личному составу и от которого нужно немедленно избавляться». На что однажды в ответ услышал от одного офицера: «Пришлют другого лейтенанта, ещё хуже этого». И мне в этой связи вспоминаются несколько случаев из моей последующей после Вильнюса службы в Центральной группе войск. Когда мой командир батареи капитан Виктор Гребенюк при приёме новобранцев откупался ящиком чешской «паленки» - только бы ни один москвич или ленинградец не попал к нам в батарею. В армии эту столичную категорию солдат и офицеров недолюбливали и по возможности старались от них либо отказаться, либо избавиться за их капризность, разгильдяйство и зазнайство. Неспроста революция 1991 года произошла именно в столичных городах, население которых, в отличие от провинции, были наиболее подготовлены к демократическим переменам.

К гонениям на меня присоединился и майор Станчикас, вдруг почувствовавший солидарность со своими земляками – Мацквичюсом и Паужолисом – который своей педантичностью и усердием на глазах у начальства мог свести с ума кого угодно.

А его угрозы написать письмо моей матери в Москву и сообщить, как я здесь, в Вильнюсе веду себя плохо и спустя рукава отношусь к своим служебным обязанностям, с целью, чтобы уже она повлияла на меня в лучшую сторону, могли свести с ума кого угодно. Только не меня. Эти угрозы не то, что раздражали меня, скорее вызывали недоумение и укрепляли во мне мнение, что меня здесь и за офицера, в общем-то, не считают. Я соглашался со Станчикасом, что да, нужно со мной что-то делать, иначе совсем дела во взводе пойдут плохо и обращение за помощью к моей матери, возможно, и повлияет на меня в лучшую сторону. Я даже выражал согласие

взяться отправить это письмо заказной корреспонденцией, и даже подготовить его черновой вариант, ибо у него, как у человека, грамотно пишущего только на своём родном литовском языке, это получится значительно хуже. Станчикаса мой ответ злил, он ещё больше распалялся, начинал кричать на меня, на что я взирал с невозмутимым спокойствием на лице. Но все его угрозы так и остались нереализованными. Я представлял себе маму, получившую такое письмо от Станчикаса. Она тут же переправила бы его мне с рядом вопросов в письме, и на этом бы всё закончилось. Ведь она уже давно, с моего отъезда из Москвы, не могла отвечать за моё воспитание. Можно было бы отнести это письмо в прокуратуру, ибо такого рода наказание в отношении лиц не только офицерского, но и рядового и сержантского состава советским военным законодательством никогда не было предусмотрено. Хотя и в прокуратуру в то время было бессмысленно жаловаться на произвол начальников. Всё это было по-детски наивно и рассчитано на простофиль, вроде самого Станчикаса.

Вспоминается один случай, когда Станчикас, заметив недостатки в проведении мной занятия по защите от оружия массового поражения, сам стал показывать, как правильно надевать и снимать противогаз. После снятия маски со своего лица он сделал такой сильный выдох, что сорвавшаяся из его носа сопля, описав в воздухе дугу, смачно шлёпнулась в лицо стоящего против него солдата. Раздался дружный смех. Он же: «Ничего, бывает». И, как ни в чём ни бывало, продолжил занятие. Станчикас часто рассказывал, как его в конце 40-х годов, когда он был комсомольцем, с ним чуть было не расправились лесные братья. Они заявили в дом на селе, где он жил, а он в это время был в городе. И его сестре пришлось их разочаровать, сообщив, что её брата нет дома. Он очень гордился таким повышенным к себе вниманием со стороны лесных братьев. Лучше бы наверное было, если б его кто-нибудь из леса выпорол бы как следует за свою «комсомолистскую активность».

Я становился всё более и более рассеянным, и моё усиливающееся незavidное положение только способствовало этому. Идя рано утром на службу, приходилось гадать, за что на этот раз Мацкявичюс будет собирать всех офицеров дивизиона, чтобы в очередной раз криком и матом разрядиться на мне как на громоотводе за какую-нибудь провинность со стороны моих солдат или за какое-нибудь некачественное выполнение его распоряжения.

Нервозности прибавляли и всевозможные бесконечные проверки из вышестоящих штабов. Видимо, такая суэта шла с самого верха и предполагала максимальное повышение боеготовности частей и соединений Прибалтийского, Белорусского и Прикарпатского военных округов, не считая групп войск за границей, перед вводом войск в Чехословакию. Исчезли выходные дни, и работать приходилось допоздна. Я никогда и не мог предполагать, что можно так, как я, ненавидеть службу! Мне уже

откровенно очень хотелось в тюрьму, чтобы только не слышать с утра до вечера бесконечный крик и мат в свой адрес. А отвечать только за своё поведение и свой участок работы, хоть и за колючей проволокой. Я даже стал подумывать о каком-нибудь преступлении, за которое можно было бы получить не более 5 лет, чтобы навсегда и бесповоротно расстаться с женщиной, в которой, как я тогда думал, больше преобладают животные инстинкты, чем здравый смысл. Случалось, что на каком-нибудь очередном совещании при очередной разборке моих просчётов по службе Мацквичюсом я впадал в ступор и отвечал невпопад на задаваемые вопросы. На что затем следовало: «Да покажите вы этого недоноска, наконец, психиатру. Нет сил терпеть уже его в дивизионе». А иногда я просто молчал, не отвечая на задаваемые вопросы. Тогда мне ставилась задача построить взвод и ждать офицеров с совещания для работы с ними уже других назначенных командиров. Я уходил, но не ко взводу, а в курилку, чтобы придти в себя после потока брани, надеясь, что наконец-то произойдёт чудо и я не буду отвечать за состояние дел во взводе. И соображая, в какое кафе лучше немедленно отправиться, чтобы дать «мозгам толчок» и отпраздновать это радостное событие в моей жизни за бутылкой вина. На следующий день после одиночного застолья состояние души ещё больше расстраивалось, на службе ничего не менялось (ни один капитан или майор дивизиона не соглашался командовать взводом вместо меня) и, если бы не моя врождённая способность останавливаться в деле употребления спиртного, пришлось бы наверное реально познакомиться с советской психиатрией и её способами «лечения» израненной алкоголем, матом и службой души. Которую никак не могут привести в порядок даже советские политработники, эти «великие инженеры человеческих душ».

Очевидно, что не я один оказывался в таком положении мальчика для битья, ибо на еженедельных зачитках приказов офицерам полка часто узнавал о преступлениях, совершённых молодыми офицерами по всем Вооружённым силам. Вышел даже как-то приказ Министра обороны маршала Гречко, предписывавший всех офицеров, явно не желавших служить в армии, увольнять из неё. Но почему-то никто не спешил с выполнением этого приказа и, наверное, потому, что для его осуществления пришлось бы приступить к повальному увольнению всей молодёжи. Как явствовало из этих приказов, дело доходило не только до самоубийств офицеров. Но порой даже убийств их непосредственных командиров и начальников в пылу какой-нибудь возникшей вдруг перепалки, когда в самый пиковый момент ссоры у кого-нибудь в руках оказывался пистолет или автомат, а сознание ещё к тому же находилось под воздействием винных паров. Такие приказы заканчивались всегда устрашающими словами: «...приговорён к расстрелу, ходатайство о помиловании отклонено... приговор приведён в исполнение». Что также служило главным аргументом у Манохина в деле моего воспитания. Мне было откровенно жаль всех этих молодых расстрелянных ребят,

попавших, как и я, в жёсткую систему подавления воли, не нашедших из неё выхода и таким образом погубивших свои молодые жизни. И об этом я как-то со слезами на глазах признался Манохину, добавив, что и меня когда-нибудь доведут до такого умопомрачительного состояния безысходности. Тут же услышал, что я не имею права так рассуждать. Что всему есть предел, и эти мои слова могут быть истолкованы как явная угроза начальству с далеко идущими для меня негативными последствиями. После этого разговора меня даже отстранили от нескольких служб в караулах и два или три политзанятия прошли без вызова на ковёр.

Наверное, в связи со всеми этими переживаниями моё душевное состояние перешло на физическое тело. Я стал часто болеть и с высокой температурой лечиться в госпитале у отца знаменитой на всю страну актрисы Элины Быстрицкой, так блистательно сыгравшей роль Аксиньи в кинофильме «Тихий Дон» режиссёра Герасимова. Авраам Петрович Быстрицкий в госпитале работал терапевтом и мне он запомнился как очень внимательный и знающий своё дело специалист. А я после такого знакомства полюбил в Вильнюсе Русский драматический театр, на сцене которого ещё совсем недавно выступала обаятельная Элина Авраамовна.

Но молодость брала своё, болезни отступали и приходилось с тяжёлым чувством возвращаться к своей опостылевшей службе, на свою койку в гостинице, подсчитывая при этом потери в своём оставленном без присмотра на период болезни имуществе. Из-за чего приходилось в который уже раз выслушивать замечания от своих начальников за какое-нибудь нарушение формы одежды, а однажды даже и за отсутствие хромовых сапог, служивших непременным атрибутом рабочей повседневной формы одежды любого строевого офицера. Говорили, что офицер мог совсем ничего не делать на службе, но сапоги на нём должны всегда сиять на ногах. «Умом ты можешь не блистать, но сапогом блеснуть обязан», перефразируя слова поэта Маяковского, говорили офицеры.

Пропала у меня как-то и медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», за что также получил нагоняй на очередном строевом смотре. И я даже не знал, где можно её достать. Этой медалью в 1965 году награждались все военнослужащие Советской Армии. И лучше бы её вообще не было, ибо пришлось неоднократно выслушивать замечания в свой адрес за её отсутствие. Пропал как-то и модный в то время плащ «болонья», купленный мной из-под полы аж за целых 60 целковых. Не считая другого имущества, которое приходилось всегда восстанавливать за деньги из своего и так скудного жалованья.

Мне рекомендовали тоже красть у своих соседей по койке всё, что плохо у них лежит. Моя же совесть всегда противилась такому заимствованию чужого имущества, которое курсанты в бытность моей учёбы прозвали «дырочной проводимостью» после одного из занятий по радиотехнике.

Вскоре после смены начальства в полку и дивизионе произошёл один неприятный для меня эпизод, связанный уже с рукоприкладством, а точнее,

ногоприкладством в отношении моего бренного тела, после которого к душевным переживаниям прибавились и физические.

Как-то на полигоне учебного центра в Пабраде во время планового 3-километрового кросса, когда старт давался майором Ушковым и им же запускался секундомер с кузова грузовика, чтобы раньше, прибыв на финиш, засечь время каждого участника забега, и случилось это. То ли мне первому, то ли Верцынскому, бежавшим во главе своих взводов, вдруг показалось, что Ушков махнул нам рукой, приглашая нас двоих офицеров, сесть в кузов машины. Верцынский и я ухватились за задний борт и я вдруг увидел над собой искажённое гримасой презрения в сверкании золотых зубов уже далеко не молодое лицо Ушкова и тут же почувствовал сильные удары кованых сапог по кистям и пальцам своих рук. Почему-то именно меня Константин Иванович выбрал объектом вымещения своей накопившейся за что-то злобы (за что – ума не приложу). Я упал в придорожную пыль на глазах у всех солдат. Заныли пальцы рук, из которых потекла кровь, и весь в пыли и с кровью на руках добежал до финиша. А, увидев довольные и смеющиеся лица Мацкявичюса и Ушкова, не сдержался и сказал им что-то обидное. Смех тут же прекратился, Мацкявичюс взорвался негодованием, обрушив на меня поток ругани с матом. Со мной единственный раз в жизни произошёл нервный срыв, и что происходило дальше, помню, как в тумане. На кого-то я замахнулся то ли табуреткой, то ли булыжником. Орал в исступлении. В себя пришёл только связанным по рукам и ногам в том же грузовике, совершенно безучастным ко всему и от всего отрешённый.

Надо сказать, что с Ушковым у меня всегда были хорошие отношения. Он никогда не отказывал мне в помощи разобрав какую-нибудь задачу по стрельбе, то ли «на запиши», то ли на винтполигоне. Никогда не повышал голоса. Со всеми старался быть приветливым и вежливым. Ему в то время перевалило уже за 45, но начальство его ценило и позволило дальше продолжать службу, набирая по 3% к пенсии за каждый год службы свыше 25 лет. За свои услужливость и осторожность в делах службы все офицеры называли его просто Костей и иногда подшучивали над ним. Для меня же этот его поступок оказался полной неожиданностью.

По возвращении батареи в Вильнюс из Пабраде Мацкявичюс, используя всё данное ему от Бога красноречие, живописал тут же всю сцену на кроссе перед командованием полка, и все мои упущения по службе с заявлением: или он остаётся командиром дивизиона или из него убирают Жемайтиса. Все его громкие заявления остались без внимания, ибо свидетелями позорного поступка Ушкова были многие солдаты. Но ковра Манохина мне всё равно не удалось избежать и уже в который раз пришлось выслушивать громы небесные с угрозами и битьём кулаком по столу. Действительно, а чем ещё можно было испугать советского лейтенанта, мечтающего о гражданке? Денежными штрафами? Их не было. Гауптвахтой? Так это был санаторий после нервотрёпки на службе. Лишением отпуска? Нельзя было лишать офицеров законного отдыха. Разжалованием до младшего лейтенанта?

Крайне редко практиковался этот вид наказания по ходатайству суда офицерской чести, ибо такой офицер всем своим поведением совсем тогда выходил из-под контроля и становился полностью неуправляемым. И таких младших лейтенантов я видел всего два раза за всю свою службу. И все они были неизлечимыми алкоголиками, пьяневшими после одной-двух рюмок какой-нибудь бормотухи.

Так что у Манохина как у замполита полка не было, по сути, никаких рычагов воздействия на меня, и вся эта фронтовая трескотня с угрозами посадить в тюрьму давно уже никого не пугала, а меня тем более. Командованию оставалось только ждать случая, чтобы при первой же возможности сплавить меня куда-нибудь в другую часть, чтобы не мучительно ждать, когда я наконец начну «расти над собой». Хотя, надо сказать, что многие офицеры не считали меня пренебрегающим своими служебными обязанностями. Хотя бы в прошлом мой непосредственный командир батареи капитан Ширяев, с которым на службе у меня сложились нормальные деловые отношения. То же самое я могу сказать и о начальнике штаба дивизиона майоре Скоробогатько, ни словом не попрекнувшего меня за плохую службу или невыполнение какого-либо его распоряжения. Со старшим офицером батареи старшим лейтенантом Проходой у меня сложились доверительные отношения. Просто у меня в силу особенностей характера, темперамента и незнания особенностей новой для меня профессии многое не получалось, что сразу же приводило кое-кого в негодование с желанием во что бы то ни стало от меня избавиться. А у меня всё больше и больше опускались руки, и на все выпады в мой адрес следовал пассивный протест ничегонеделания из-за безысходности что-либо изменить в своём подневольном положении. И все мои непосредственные командиры уже знали мои «деловые» качества и работали со мной исходя из особенностей моей легко ранимой души. Я старался и при Паужолисе и Мацквичюсе. Но при оценке деятельности того или иного офицера многое зависит от первого субъективного мнения начальников и нахождения с ними общего языка в дальнейшем. Видимо, я сразу же при первом знакомстве плохо показал себя с этой стороны и не очень старался в дальнейшем завоевать доверие у начальства поведением и своей работой. При них всё стало валиться у меня из рук. Что также стало служить причиной разного рода насмешек и подковырок со стороны уже солдат, как своего взвода, так и двух других. Миколюнас и Якутис, которые во всём меня поддерживали, уже были на гражданке. Их должности заняли другие сержанты из учебки, мало мне знакомые. Поэтому некоторые из этих осмелевших хлеботорговцев, свинарей, поваров и чемпионов по боксу стали показывать мне свои зубы и говорить дерзости. Бросая в лицо, что я на самом деле такое же бесправное существо, как и они, и нечего мне здесь выпендриваться и строить из себя начальника. Мне уже ничего не оставалось, как проглатывать и эти колкости в свой адрес. Гражданская жизнь представлялась мне далёким райским островком покоя и гармонии между трудом и отдыхом, на котором можно хорошо выспаться и

со свежей головой посвятить себя работе и какому-нибудь любимому делу на досуге. Можно было бы подумать и о создании семьи. И, вообще, зажить, как все белые люди. В квартире со всеми удобствами, любимой работой, с заботливой женой и, главное, с детства в любимой Москве. И я никак не мог понять, зачем мне вся эта крепостная армейская неволя, из которой нет выхода и из-за которой круглосуточно у меня нет покоя и никакой, как мне казалось тогда, перспективы.

Вскоре после этого случая ногоприкладства настал день, круто изменивший всю мою жизнь. 21 августа 1968 года, когда весь наш полк воинским эшелоном двигался в направлении Аэгвийду, как вдруг нас срочно завернули назад в Вильнюс. А из газет, купленных по дороге, мы узнали, что наши войска перешли границу и вошли на территорию Чехословакии. Сразу же по возвращении на зимние квартиры всех нас на два дня посадили на казарменное положение в готовности к развёртыванию дивизии. Все эти события не предвещали ничего хорошо, лишь только дальнейшее закручивание гаек в разболтанном армейском механизме и ужесточение требований ко всем военнослужащим. А это значит продолжающийся непрекращающийся почти круглосуточный мат на службе, и отмену выходных и праздников на неопределённое время. И я уже к явному раздражению замполитов перестал скрывать своего негативного отношения ко всему, что касалось не только армии, но и всего устройства общества. Ибо понял, что терять мне уже, кроме своих цепей, абсолютно нечего. Зная при этом, что в любом случае меня «дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут».

Мне советовали попридержать язык. Что, мол, не всегда и не везде можно свободно высказывать своё мнение. Но я не унимался. Дело дошло до того, что как-то на одном из собраний батареи, на котором Манохин начал только зачитывать приветственное письмо всего личного состава артполка 31-й мотострелковой дивизии всем советским военнослужащим, выполнявшим свой интернациональный долг в Чехословакии. Отмечая при этом их стойкость и мужество в ответ на многочисленные провокации со стороны контрреволюционно настроенных чехов, я демонстративно, громыхая стулом, поднялся со своего места и направился к выходу. Вдогонку услышал: «Ну, что ж, иди, Жемайтис, иди, мы обойдёмся без тебя», что уже совершенно равнодушно воспринял, ожидая очередного вызова на ковёр. Но вызова к моему удивлению не последовало. Хотя и ожидал его, чтобы высказать в очередной раз Манохину всё, что думаю про оккупацию независимой страны, имевшую несчастье граничить с СССР и решившую жить по совести вопреки желанию нашего советского руководства. На одном из совещаний всего офицерского состава дивизии полковник Шахрай без объявлений имён сообщил всем собравшимся, что «не все офицеры должным образом восприняли это непростое решение советского руководства о вводе войск на территорию братской республики». Значит, не я один высказывался против, что меня, вдохновляло на дальнейшее

вольнодумство. Шахрай в оправдание этого ввода приводил тогда примеры «разгула капиталистической пропаганды в средствах массовой информации в ЧССР, отказа руководства этой страны, члена Варшавского договора, от совместных учений, и курс его на увеличение частного сектора в промышленности в ущерб «всем завоеваниям социализма» в стране. Ну, а в целях солидарности с советскими войсками, выполняющими свой интернациональный долг в ЧССР, в готовности придти к ним на помощь в любую минуту в случае явной угрозы им со стороны всех империалистических стран, входящих в НАТО, мы со своей стороны должны своим ратным трудом крепить боевую готовность своего соединения. Своей идейной убеждённой давать отпор буржуазной пропаганде всякого рода политически несознательным элементам. К сожалению, служащим вместе с нами в нашей гвардейской, овеянной славой на полях сражений в Великую Отечественную войну, дивизии». В заключение своего выступления Шахрай привёл несколько имён, замеченных в прослушивании «вражьих голосов».

Помню, что в то время я впал в такую депрессию, при которой мой мозг лихорадочно работал над вопросом, как мне из этого дурдома, где все больные сами создают себе трудности и с завидным упорством их преодолевают, выбраться и вернуться на гражданку в Москву. Перебрав в уме все варианты, я остановился только на одном – снова обратиться к своим высокопоставленным литовским покровителям, чтобы они уже помогли мне навсегда расстаться с армией. Наивно полагая, что они в компетенции осуществить эту мою голубую мечту. А на первом этапе этого моего плана мне, как я считал, необходимо было перебраться в военкомат на любую должность. А уже из военкомата, как я считал, мне будет намного легче уволиться на гражданку. Прецеденты перехода офицеров из нашей дивизии в систему республиканского военкомата имели место. И я здесь был не оригинален в своём желании. К тому же до чёртиков надоело видеть ежедневно разъярённые физиономии Мацкявичюса, Паужолиса и Станчикаса вместе или порознь, соревнующихся между собой в моём «воспитании», а, по сути, в ежедневных попытках дрессировки или зомбирования с помощью крепких русских слов и разного рода словесных подковырок. Ведь «битие определяет сознание», как это было сказано на 22 съезде партии пусть хоть и смещённым недавно со всех своих постов главой государства Хрущёвым. Думаю, что реальное физическое воздействие намного легче бы переносилось. Бывало порой, желаннее получить кулаком по лицу, чем несколько минут слышать оскорбления в свой адрес. И уже не на уровне разносов добряка Манохина, которому после его расстрельных угроз можно было навязать дискуссию о недостатках и преимуществах капитализма и социализма. Здесь уже «воспитатели» попались более искушённые. И не столько в вопросах педагогики, сколько в способах унижить человека до положения риз его животного происхождения или полной умственной неполноценности. Возможно, моя в то время психика в отличие от других слишком болезненно реагировала на все эти выпады в мой адрес со стороны

начальства. Которые я слишком остро душой воспринимал и которые в конечном итоге приходилось молча проглатывать. В дальнейшем приходилось терпеть более изощрённые промывания мозгов, что, однако, нисколько не повлияло на мой хоть и скромный, но всё же служебный рост. Но тогда в молодом возрасте моё терпение было на грани срыва. И слава Богу, что мне хватило сил не взорваться каким-нибудь поступком в порыве отчаяния, тем самым испортив себе навсегда жизнь. Каюсь, сам иногда прибежал к русскому мату, «благодаря которому мы выиграли войну 1941-45 гг», как утверждали фронтовики. «Скотина лучше понимает, когда её крепкими словами обложишь», - приходилось часто слышать. Понимаю многих офицеров, которым иногда приходилось прибегать и к физическому воздействию в отношении солдат, дерзостью и грубостью, отвечающих на замечания. Нет в нашей армии военной полиции по примеру стран НАТО, офицеры которой обязаны проводить расследования по всем случаям преступлений и неуставных взаимоотношений в армии, наказывать уже через суды всех преступников и нарушителей воинской дисциплины, вступившись не кулаками, а буквой закона за офицерскую честь своих товарищей по службе. Или защищать солдат от противоправных действий к ним со стороны их командиров. В нашей же армии законы и уставы на 90 процентов, как не работали, так и продолжают, наверное, не работать. И никому нет до этого дела. Отсюда и постоянная нервогрёпка в «Рабоче-Крестьянской...», как окрестили в мою бытность всю Советскую Армию. С утра до вечера пустой крик и мат на многочисленных совещаниях и построениях.

В конечном итоге я понял, что в самой дешёвой по обустройству и обслуживанию армии мира, в которой готовят пушечное мясо для предстоящей войны, а не высококлассных специалистов, унижение человеческого достоинства является единственным средством воздействия и воспитания. Чтобы хоть сиюминутно как-то раскачать инертную, не заинтересованную в вопросах службы массу на выполнение их своих прямых и в значительной степени не своих служебных обязанностей, - всевозможных хозяйственных, строительных, целинных или др., спускаемых сверху. Или чтобы самому разрядиться в порыве отчаяния, когда сталкиваешься с откровенным коллективным или одиночным саботажем не только своих распоряжений, но и приказов свыше. Как можно вообще человека заставить работать, если у него есть одинаково равноценный выбор: делать что-то на службе или не делать? Проявлять инициативу, от которой он богаче не станет или только изображать работу, наслаждаясь мечтами о «дембеле» и витая уже мыслями на гражданке, делая при этом зарубки на казарменной мебели по числу оставшихся служить месяцев. При этом в случае отказа выполнять какое-нибудь распоряжение или даже приказ ему ничего абсолютно не грозит.

Особенно это касается молодёжи, посвятившей всю свою жизнь службе в армии и быстро разочаровавшейся в ней.

С просьбой о переводе в военкомат я и обратился непосредственно к

бывшему сослуживцу отца, Военному Литвы генерал-майору Петронису. Внимательно выслушав меня, он уговорил меня пока не думать об этой чисто бумажной работе, от которой можно сойти с ума из-за её объёмности. У них самая что ни на есть черновая работа, подчас без сна и отдыха. А я ещё слишком молод, чтобы отказываться от командирской карьеры. Напомнил также, что это он по просьбе Снечкуса добился моего перевода в Вильнюс. В общем, получил от ворот поворот. Не исключено, что он уже знал о моих деловых качествах из уст моего начальства в полку.

Тогда я сел писать непосредственно к Председателю Президиума Верховного Совета Литвы Мотеюсу Шумаускасу, также бывшему сослуживцу отца по 16-й Литовской стрелковой дивизии на фронте. Но уже с просьбой помочь мне уволиться из армии. Надеялся, что человек, занимающий такой высокий пост и к тому же являющийся заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР Подгорного, а по сути Президента страны, без труда поможет мне в этом лёгком вопросе. Шумаускас встретил меня очень хорошо в своём рабочем кабинете и обещал помочь. Надо сказать, что Мотеюса Юозовича, в отличие от Петрониса, которого видел в Москве всего два раза у нас в доме и на даче, я знал гораздо лучше. Он часто со своей супругой бывал у нас в гостях. В Паланге я часто встречался с ним и с членами его семьи. Есть даже несколько фотографий начала 1960-х годов, где мы все изображены вместе.

После такого обнадеживающего ответа я уже предвкушал победу. Строил планы на будущую жизнь в Москве. Где буду работать. В какой институт буду поступать. В тишине, покое, с периодическими встречами с многочисленными родственниками и друзьями потекут мои безмятежные дни на гражданке. С крышей над головой и с вниманием полной ещё сил моей дорогой и любимой мамы.

Время шло, а об увольнении ни слова, ни полслова. Только однажды офицеры мне передали, что меня хочет видеть Снечкус. Я понял, что мою просьбу Шумаускас отфутболил ему как инициатору моего перевода в Вильнюс и что ничем мне мои высокие покровители помочь не могут. Советская Армия – это своего рода государство в государстве, не подчиняющееся гражданским законам.

К Снечкусу я не пошёл и через какое-то время меня вызвал на беседу начальник штаба дивизии полковник Лугинец. Узнав, что я не хочу служить в армии, он мне прямо заявил, что уволится из армии раньше срока и к тому же офицеру моего возраста практически невозможно. А вот с направлением для сдачи экзаменов в академию в будущем году может мне помочь. Меня и такая перспектива мало радовала, ибо понимал, что вряд ли бы я вообще я уже в состоянии сдать экзамены и пройти по конкурсу, но другого пути хоть на время вырваться из части не было и мне пришлось согласиться с этим предложением. Но вскоре после этого разговора меня вдруг вызвали на собеседование сначала командир полка подполковник Небольсин, сменивший несколько месяцев назад полковника Родина, а затем меня и ещё

трёх офицеров командир дивизии генерал-майор Бондаренко, сменивший тоже недавно Дзоциева.

Мне предложили перевод в только что созданную Центральную группу войск на территории Чехословакии, и я не задумываясь согласился. Появился внезапно шанс начать службу с новой страницы, и было бы глупо его упускать.

Первым, кто узнал от меня о моём назначении, был Манохин. Он очень удивился, что я, не скрывающий своего отрицательного отношения к вводу советских войск в Чехословакии, вдруг направляюсь именно в эти, по моему убеждению, «оккупационные войска». Очевидно, Манохин опасался, что я по дороге к новому месту службы на территории уже другого государства совершу какой-нибудь поступок, за который в конечном итоге ответственность придётся нести ему как основному моему воспитателю. Я ответил тогда, что у меня появился реальный шанс разобраться с мучающими мою душу постоянными сомнениями. И для того, чтобы разобраться на месте, сделав для себя окончательные выводы, я дал согласие на этот перевод. Манохин ничего не ответил, а только спросил, имеется ли при мне обходной лист и, получив его в руки, тут же довольно поспешно поставил свою жирную закорючку, махнув мне на прощание рукой, рассекая воздух ладонью, как бы избавляясь от меня насовсем. Майор Вебер с улыбкой вскоре после этого рассматривал самую первую подпись в моём бегунке, выданном в строевой части и заметил, приятно грассируя на букве «р», что без подписи заместителя начальника штаба полка, т.е. его, не должен был никому его представлять.

Говорят, что счастье, когда на работу и с работы человек идёт всегда с радостью. У меня не было такого счастья в армии вообще. После Чехословакии мне пришлось долгие годы прослужить в войсках Туркестанского военного округа, выдержав испытания не только суровым жарким климатом, но и южными инфекционными болезнями, из-за которых многие мои молодые товарищи офицеры так и остались лежать на мусульманских кладбищах Туркмении и Узбекистана. Причём, будучи тяжело больными, им не только нельзя было уволиться из армии по состоянию здоровья, но почему-то и перевестись в другой округ с более благоприятным для них климатом. Округ до 1988 года не был заменяемым. И приходилось только недоумевать таким отношением государства к её «золотому фонду», к каковому оно на словах относилось весь офицерский корпус страны, бросив его значительную часть на многолетнее съедение тифозным, гепатитным, малярийным и другим многочисленным южным инфекциям.

В 1986 году мне пришлось побывать в 2-хмесячной командировке в Афганистане, где я в должности начальника артиллерии 149-го мотострелкового полка 201-й мотострелковой дивизии участвовал в боевой операции по выводу этого полка из Кундуза на территорию СССР. Вывод прошёл успешно. Никто из моих подчинённых не пострадал, не был убит или

ранен. Горжусь, что за всё время моей службы никто по моей вине не погиб и не стал инвалидом. Что является редкостью для офицеров-командиров Советской Армии перед самым её развалом.

На фоне изнуряющей жары и постоянной бытовой неустроенности служба складывалась довольно сложно, и отношения с начальством тоже были далеко не улыбочными. Всё же я как-то продвигался по службе, хотя и со взлётами и падениями с небольших высот. Пришлось даже один раз пройти и через суд офицерской чести за употребление спиртного во время дивизионных учений в 1985 году, в период начала горбачёвской антиалкогольной кампании. За что был понижен в должности. Значит, в целом худо-бедно устраивал своих командиров как офицер-специалист и наставник молодёжи. Значит, правильно тогда использовал в 1968 году предоставленный мне судьбой шанс, согласившись на перевод в ЦГВ, и попав вскоре в служебную струю, вынесшую меня к нормальной гражданской жизни, о которой я мечтал всю свою долгую службу. Со своим обидчивым характером и природной ленью, мне вряд ли удалось добиться чего-нибудь путного без долгой и принудительной службы.

Отъезд не из Литвы, которую я всегда уважал и уважаю за её родственный мне гостеприимный трудолюбивый народ, а из гарнизона, где я проходил двухгодичную службу, явился для меня одним из немногих радостных моментов в жизни. Будущее показало, что, пройдя самый трудный вильнюсский этап послеучилищного офицерского становления, «пообтеревшись» на взводной должности, в дальнейшем мне уже было немного легче в службе.

Перед отъездом я тепло попрощался мысленно и наяву со всеми своими друзьями, к числу которых относил офицеров: Бородина (ему, кстати, перед самым моим отъездом предложили должность начальника артиллерии в мотострелковый полк, на что он дал согласие, чтобы перед уходом в запас заслужить более достойную его званию Героя пенсию). С Манохиным и Гончаровым, Скоробогатько, Ширяевым, Колей Проходой, Лёней Шибко, женившимся только что Ряснянским, Пашей Налимовым, Володей Верцинским (незадолго до моего отъезда он тоже женился и с частной квартиры перебрался вместе с женой в комнату деревянного дома), Сергеем Пряхиным, Лисицыным. Сверхсрочниками: Мишей Серебряковым, Бовтом. С уволенными уже в запас сержантами: Миколюнасом, Якутисом, Мержвинскасасом. Попрощался я и с новым командиром дивизиона майором Правдивцевым. (Мацкявичюс ушёл на равноценную должность. Если память не изменяет, начальником штаба артиллерии дивизии). Попрощался с молодыми и симпатичным официанткам кафе «Агуоны» Кристиной, Региной и Рутой. А также с официанткой нашей военоторговской столовой красавицей Василиной. Тепло попрощался я и со всеми своими родственниками и гражданскими друзьями в Вильнюсе и Каунасе.

Как потом оказалось, умысленно или случайно, но в двух моих личных делах не оказалось никаких аттестаций по службе в Вильнюсе. По

всем гарнизонам есть, а из 31-й мотострелковой дивизии нет. Вряд ли, кто-то пожалел меня и не стал плохой аттестацией портить мне карьеру. Скорее всего, написав на меня плохую аттестацию (по-другому меня нельзя было аттестовать), начальство боялось, что меня забракуют для службы за границей и им придётся ещё долго мучиться с моими капризами на службе. Для них появился шанс от меня избавиться, и они его не упустили. А посему спасибо всем, кто помогал мне в службе и особенно всем, кто мешал мне жить спокойно. Ведь во многом благодаря усилиям моих врагов я и стал принудительно тем, кем являюсь на сегодняшний день, вынужденно служить 27 лет по формуле И. Губермана:

Не в силах жить я коллективно
По воле тягостного рока.
Мне с идиотами – противно,
А среди умных - одиноко

Без своего положения раба, как и у всех своих сослуживцев, мне наверняка не удалось бы достичь того минимума комфорта в жизни, который имею в настоящее время после долгой службы, когда из армии уже можно уволиться, написав рапорт, может уволить офицера и сам командир дивизии своим приказом. К счастью, меня тогда мог отправить на гражданку лишь военный чиновник уровня не ниже заместителя Министра обороны, что и позволило благополучно закончить службу подполковником с нормальной для этого звания военной пенсией, ибо встречал в своей жизни подполковников с пенсией намного меньшей моей. И всё это вопреки тому, что в Чехословакии после Вильнюса, а именно во Френштате под Радгоштем Северной Моравии, где я 4 года проходил службу в артиллерийской полку 31 танковой дивизии, я выкинул такой фортель, женившись на чешке, от которой имел к тому времени годовалую дочь, надеясь что вот таким способом меня наконец-то уволят из армии, что до сих пор не могу понять, как моя карьера худо-бедно вообще сложилась после Чехословакии. Но это, как говорится, уже другая история.

2.11. 2019 г.